Год дракона

ОНА ЕГО СПАСЕНИЕ
И ЕГО СМЕРТЬ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Виктория Аксыч

Год дракона

«Автор»
2026

Аксыч В.

Год дракона / В. Аксыч — «Автор», 2026

Отец Алисы - гениальный, но невезучий изобретатель. Однажды, после очередного поражения на научной выставке, он проигрывает свою дочь в карты. После этого Алиса попадает в Англию, где ее преподносят в качестве подарка местному принцу, но девушка не намерена мириться со своей участью._____В 1840-м молодой лорд Томас Рид ведет аморальный образ жизни. Он привлекателен, богат, властен, да только чужд к любви и чувствам других. Разные ночи - разные девушки, которые в последствии теряли от беззаботного лорда голову.Но у красивой беспечной жизни есть своя цена.

© Аксыч В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Алиса 6
Флешбэк 1. Томас 10
Глава 2. Девчонка Гилберт 13
Флешбэк 2. Томас 16
Глава 3. Замок Хозяина 20
Флешбэк 3. Томас 27
Глава 4. "Спокойной ночи, моя добыча" 31
От лица Томаса Рида 39
Глава 5. Когда просыпаются монстры 42
Флешбэк 4. Томас 51
Глава 6. Сладкий яд реальности. Часть 1 55
Гл 63
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Виктория Аксыч
Год дракона

Пролог

Книжные выдумки в этом мире ***могут оказаться горькой реальностью в другом…***

Всего несколько часов назад можно было легко вернуться в замок. Но теперь луна захлебнулась в грозовых тучах, и дорогу назад поглотила тьма.

Я не знаю, преследуют ли меня. Сквозь сплошную стену ливня и издевательское карканье ворон разглядеть погоню невозможно. Я пыталась убежать от этого места, от той ужасной какофонии — хлюпанья, чавканья, воплей. Но даже здесь, в ревущей темноте, она все еще звучит в моей памяти. Я не могу остановиться. Не сейчас. Не тогда, когда та тварь, которую призвал Том... воплотил... сотворил из грязи и боли, все еще где-то рядом. Картина того, как огнедышащее чудовище разрывает Майкла на части, пылает в моем сознании раскаленным добела светом.

Внезапный удар в плечо сбивает меня с ног. Я кружусь и падаю навзничь, с шумным всплеском соскальзывая в соленое мелководье. Болезненный стон вырывается из груди. Рот заполняет острый металлический привкус крови. Я пытаюсь закричать, но из горла вырывается лишь хрип — каждый нерв горит огнем. Пытаюсь встать, но подвернутая лодыжка подводит, и я снова падаю, вскрикивая от боли. Тянусь к камням, чтобы опереться, но пальцы нащупывают лишь скользкие сухожилия, острые шипы и холодную грязь.

Сквозь пелену дождя и слез я вижу нависшую надо мной фигуру. Она все еще в крови Майкла и в той грязи, из которой родилось чудовище. Тучи смыкаются, дождь усиливается. Острые когти монстра сверкают в угасающем свете далекой молнии, когда тварь заносит лапу для последнего удара...

Глава 1. Алиса

Мне всегда казалось, что удивительные истории должны иметь необычное начало. Знак свыше, вещий сон, или хотя бы внезапное чувство, что сегодня все изменится. Но со мной ничего такого не произошло. Это был самый обычный вечер самого обычного вторника.

— И в номинации «В ногу с двадцать первым веком» побеждает... Клара Роук!

Зал взорвался аплодисментами. На сцену элегантно поднялась невысокая женщина лет тридцати пяти, с видом победительницы, которая знала о своем триумфе заранее, она начала произносить хорошо отрепетированную речь.

Ну еще бы. Она полгода раздвигала ноги перед главным членом жюри.

Я затушила сигарету о мраморный фонтан в центре фойе, выдохнула дым и направилась к отцу. Он стоял с гордо поднятой головой, изредка вежливо похлопывая, но его разочарование не могла скрыть ни одна каменная маска.

Последние несколько лет мы колесили по штатам, гоняясь за научными премиями. Вернее, гонялся отец. Я же была его «счастливым билетом», вынужденным таскаться за ним повсюду. Только вот клевер удачи из меня был так себе. Отец, будучи талантливым изобретателем, чьи идеи пользовались спросом, не выиграл еще ни разу. Зато из года в год побеждала серая мышь из Колорадо — Клара Роук.

— Видимо, в постели она еще та штучка, — шепнула я, подходя к отцу.

— Позорно раздавать награды за постельные услуги! — огрызнулся он.

— Боюсь, сэр, дело не только в услугах. У нее еще и ротик хорош, из которого сейчас так складно летят слова благодарности, — тихо хмыкнула я.

— Алиса! — отец одарил меня суровым взглядом. — Что за манеры?

— Ты сам начал.

Джон допил шампанское и направился к выходу. На парковке нас ждал длинный черный лимузин, за который теперь придется платить из своего кармана. Хорошо, что контракт не предусматривал оплату шикарного отеля в случае проигрыша. Наш счет и так доживал последние дни.

После смерти мамы отец получил страховку и с головой ушел в науку. Он бросил работу, продал наш дом в Миссури, купил дурацкий дом на колесах, и мы отправились в путь. Первый год пролетел быстро: я помогала Джону с изобретениями, а он выступал с ними на ярмарках. Для его задумок требовалось безумное количество запчастей. Сначала мы покупали все в дорогих магазинах, но после второго проигрыша пришлось переключиться на авторазборки и склады.

На одном из таких складов я и познакомилась с Майклом — качком-футболистом, влюбленным в жизнь, тачки и, как оказалось, в меня. Майкл стал нашим снабженцем, добывая детали по дешевке. Джон был не против и вскоре начал видеть в нем моего будущего мужа. Я лишь отмахивалась, ссылаясь на то, что рано.

И вот, после очередного проигрыша, отец завел старую песню:

— Алиса...

— Пап, ну не надо, — тяжело выдохнула я.

— Милая, ты же видишь — ничего не выходит. Эта вертихвостка будет отбирать мои премии до самого климакса!

— Я сто раз предлагала уехать во Францию или Англию! Но ты уперся, как баран, не желая видеть другие варианты.

— Дочка, я устал. Я хочу купить дом и остепениться, — отец прикрыл глаза.

— Это ты втянул нас во все это! Стоило мне окончить школу, как мы рванули из Миссури куда глаза глядят! А теперь выходит, что все было зря? Я не пошла в колледж из-за тебя, потому что ты просил поддержки! Но дело тут вовсе не в науке, — я сжала губы.

— Не смей меня винить! Я хотел как лучше!

— Как лучше? Ты бежал от боли после смерти мамы, а обо мне ты подумал?

— Я думаю о тебе сейчас! Разве плохо я желаю своей дочери нормальной жизни? Майкл — надежный, правильный парень. С ним ты будешь счастлива!

Лимузин остановился у отеля. Я тяжело дышала, щеки горели. Ненавижу эти разговоры. Они всегда заканчиваются ссорой.

Отец угрюмо посмотрел на меня и вышел. Я протянула водителю чаевые и выскользнула следом. На улице было свежо: крупные хлопья снега укрывали серый асфальт белым одеялом. Я глубоко вдохнула морозный воздух и вошла в холл.

Мой номер был на десятом этаже, отца — этажом ниже. Меня всегда мучила мысль, что Джон слышит наши с Майклом ночные забавы, и я просила парня сменить номер. Но он уверял, что звукоизоляция здесь отличная. Конечно, ему-то что? Он готов на что угодно, лишь бы залезть ко мне в трусы. А я не могла расслабиться, зная, что отец «за стеной».

В эту ночь повторилось то же самое.

Майкл уже запустил пальцы мне под трусики, когда я перехватила его руку и замотала головой.

— Пойдем хотя бы в ванную! — взмолилась я.

— Детка, расслабься! — он продолжал двигать пальцами внутри, а другой рукой взял мою ладонь и прижал к своему паху. — Я уже готов трахнуть тебя, красавица моя.

На секунду я забылась в его ласках, но потом очнулась и вскочила с кровати.

— Либо мы идем в ванную, либо ты будешь дрочить на порносайт!

Майкл громко вздохнул.

— Алиса, тебе двадцать лет!

— И что? Это мой отец! Он даже за намек на минет сегодня на церемонии отчитал меня!

— Намек на минет? — не понял Майкл.

— Клара Роук.

Майкл почесал затылок и снова вздохнул.

— Ладно, идем в ванную.

Ванная была роскошной: джакузи, душевая кабинка, две раковины. Мы уже практиковали секс здесь, так что я без лишних слов оперлась руками о бортик джакузи. Майкл обхватил мои бедра и резко вошел в меня, сразу набирая быстрый темп. Он мял мою грудь, покусывал шею.

— Тебе хорошо? — выдыхал он.

Мое тело тряслось, я чувствовала каждое его движение.

— Да... о, да... — старательно стонала я.

В последнее время секс с Майклом стал пресным. Чтобы возбудиться, мне приходилось прокручивать в голове сцены из порно. Ни оральных ласк, ни разнообразия — только двухминутный механический трах. Майкл всегда любовался собой в любом отражении. Его коронная фраза неизменно сопровождала финал. Я уже знала каждый его шаг. Майкл не был моим первым, но ему так хотелось думать, что я просто поддерживала его иллюзию.

Он напрягся, последние мощные толчки, выкрик моего имени и...

— Погляди, как я хорош, детка!

Бинго.

Я почувствовала тяжесть его тела, когда он почти рухнул на меня.

— Ты тоже прекрасна! Вух! — Майкл хватал ртом воздух и шлепнул меня по ягодице.

Я набрала джакузи, отказавшись мыться с ним. Мне хотелось побыть одной и подумать. Неужели я готова расстаться со свободой? Скитания за отцом — не жизнь мечты, но это ли не лучше брака по расчету?

Я задавала себе этот вопрос снова и снова. Майклу идея брака по душе, а как же я? Я хочу увидеть мир, съесть самую большую пиццу, победить в конкурсе по поеданию хот-догов! Майкл — не моя любовь. Я просто проявила к нему симпатию однажды и теперь жалею об этом.

Выйдя из ванной, я застала Майкла листающим порно-каналы в поисках «новых поз». С тоской оглядев его, я забралась в постель.

Когда же это закончится?

Среди ночи меня разбудил настойчивый стук в дверь. С каждой секундой он становился громче. Затем послышались мужские голоса, обменивающиеся шутками и грубым гогочущим смехом.

Майкл спал мертвым сном, не реагируя на мои толчки. Я на цыпочках подкралась к двери, вооружившись обувной лопаткой.

— Просыпайся, твоему папочке нужна помощь! — рявкнул незнакомый голос.

Я сосчитала до десяти и распахнула дверь, размахивая лопаткой.

— Эй, эй, остынь! — закричал один из незваных гостей.

— Буйная девушка, — поддержал его высокий худой парень с зубочисткой в зубах. — Неплохой приз.

— Что случилось? — испуганно выдохнула я.

— Твой отец проигрался нам в карты.

— О, нет! — простонала я, понимая, что стряслось.

Отец никогда не умел играть, но страсть к азарту была сильнее разума.

— Сколько? — спросила я, потянувшись за чековой книжкой. — Пять тысяч? Десять?

— Всё, — сухо ответил парень с зубочисткой.

По спине пробежал холодок. Я бросилась на первый этаж в одной ночнушке. В ресторане, за барной стойкой, полулежал Джон. Я подбежала и начала трясти его. Он был мертвецки пьян.

— Что ты натворил? — закричала я. — Зачем? Мы теперь без гроша!

— Али...са, — заплетающимся языком пробормотал он, — п-п-рости.

Больше от него было не добиться ни слова.

Ко мне подошли те люди из номера. Я нервно сглотнула, стараясь держаться уверенно.

— Послушайте, мой отец — ученый. Ему дадут кредит, и мы все вернем!

— Нас деньги больше не интересуют, — загоготал мужчина с пивным животом.

— А что тогда? Драгоценности? Недвижимость? — мой голос дрогнул.

Я знала, что карточные долги просто так не прощают.

Парень с зубочисткой вытащил её изо рта и плотоядно улыбнулся.

— Ты.

Я опешила.

— Что значит «я»?

— Твой папаша проиграл тебя в карты, — рявкнул толстопуз и мерзко засмеялся.

— Это шутка? — я непонимающе оглядывала их.

— Детка, мы похожи на клоунов?

— Нельзя выиграть человека! Я не вещь! — колени задрожали.

— Твой отец должен нам три миллиона долларов. Пока не получим деньги, ты будешь в залоге.

— Это незаконно! Я вызову полицию!

Я дернулась, но тут же почувствовала у живота холодок металла.

— Только пикни — и пуля сначала в тебя, потом в твоего папашу, — прорычал толстопуз.

Внутри вскипела злость. Насмотревшись боевиков, я вдруг обрела храбрость.

— Стреляй, — твердо сказала я. — Настоящие убийцы не болтают. Они просто стреляют. Ну же?

— Мы не убийцы, детка. Гордъ, убери пушку, — приказал парень с зубочисткой. — Нам нужны деньги, а не трупы.

— Я никуда не пойду! Вызывайте полицию, решим всё цивилизованно!

Толстопуз театрально вздохнул. Парень снова вытащил зубочистку, усмехнулся и кивнул.

— Заканчиваем с ней.

— Что это зна...

Я не успела договорить. К моему лицу прижали влажную ткань. Резкий запах ударил в нос, ноги подкосились, и я провалилась в темноту.

Очнулась я в вонючем старом сарае, на куче сена и опилок. Голову разрывало, в горле пересохло. Я приподнялась на локтях, осматриваясь. Ничем не примечательный, холодный сарай. Вот дерьмо.

Меня не связали. Пошатываясь, я встала и, опираясь о стены, добрела до двери. Заперто.

За дверью послышались голоса и шаги. Я юркнула обратно на сено. Дверь распахнулась, и вошел тот самый парень с зубочисткой.

— Очнулась? — он протянул мне стакан воды. — После хлороформа всегда хочется пить.

Я со всей силы пнула его по руке. Стакан упал.

— Пошел на хрен! — прошипела я.

Он засмеялся, а в следующую секунду его ладонь со звоном врезалась мне по лицу.

— Нам велено доставить тебя живой, но про невредимую ни слова не было!

Второй удар рассек мне губу. Он снова протянул стакан.

— Пей!

Дрожащей рукой я взяла воду, прополоскала рот от крови и... выплюнула все ему в лицо.

— Я сказала — пошел на хрен!

— Тупая стерва!

Платок снова прижался к моему лицу. Спасительный мрак поглотил меня.

Второй раз я пришла в себя в теплом каменном доме. Лицо саднило: губа онемела, под глазом наливался фингал. Я лежала на мягкой постели и смотрела в потолок. В камине потрескивали дрова, стены украшали чучела животных, а по стеклу барабанил дождь.

Кажется, ты хотела приключений? Получи и распишись.

Я понятия не имела, где нахожусь. Неужели я проторчу здесь до старости? Отец никогда не соберет такую сумму!

Отчаяние сдавило грудь. Когда ты в плену и не знаешь, что будет завтра, переоценка жизни происходит сама собой. Сейчас мне казалось, что брак с Майклом был бы не самым худшим вариантом.

На втором этаже послышались шаги и приглушенные голоса.

— Нам велено... и вознаграждение! — голос толстопуза.

— ...машина не проедет... лес... только лошадь. — зубочистка.

— Мне плевать, как вы это сделаете! — этот властный голос я слышала впервые.

Дверь наверху хлопнула, и тяжелые шаги застучали по лестнице. Кто-то вышел из дома в сильном раздражении.

Я тихо подошла к окну. Из-за ливня было почти ничего не видно. Я разглядела лишь фигуру среднего роста в сером плаще. Он стоял под проливным дождем без зонта, уперев руки в бока и задрав голову к небу. Я пыталась рассмотреть его лицо сквозь заляпанное стекло. Вдруг он резко повернулся в мою сторону. Я отпрянула от окна и бросилась обратно в кровать.

Что, черт возьми, здесь происходит?

Флешбэк 1. Томас

1840 год. Хоэрт, Англия.

Мой особняк стоял на горном плато, у самого озера, и ветра здесь гуляли такие, что, по слухам, могли заморозить грешника в аду. Дорога к нему вела через дремучий лес, и не всякий местный решался путешествовать по ночам. Местные суеверно шептались, что в ветвях прячутся души утопленниц, а волки там крупнее, чем во всех остальных лесах графства. Меня это вполне устраивало. Гостеприимством я не славился, а визитеров без приглашения не жаловал. Зато девушки, потерявшие голову от безответной любви, с завидным героизмом преодолевали темные заросли, чтобы оказаться в моих объятиях. Им нравилась дрожь страха перед ночным лесом, которую сменяла дрожь страсти в моем доме. Я давал им то, чего не могли дать их скучные, предсказуемые женихи.

Я обожал женщин и никогда не ограничивался одной. Мне нужна была каждая хорошенькая девушка в округе. Я наслаждался их молодостью и красотой, их наивным восхищением, тем, как они краснели под моим взглядом. А они получали возможность провести ночь с самым завидным женихом Хоэрта, чтобы потом, сидя у камина в гостиной своих родителей, с томным вздохом вспоминать дерзкого Томаса Рида. В моем особняке служили только мужчины и женщины в возрасте — иначе, клянусь, мне пришлось бы менять прислугу каждую неделю. Я был хищником по натуре, и не видел в этом ничего зазорного. Я не был создан для моногамии, а дамы влюблялись в меня после первой же ночи.

Я строго соблюдал собственные правила. До этого случая.

Несколькими месяцами ранее

В честь месяца урожая я давал бал. Мои легендарные, но редкие приемы собирали всю знать, и атмосфера в зале всегда накалялась до предела — от сплетен, шампанского и взаимной неприязни. В округе считали: если ты не получил приглашения от Томаса Рида, значит, ты недостаточно значим. Приятно быть самым влиятельным засранцем в округе. Лорды пытались сосватать мне дочерей, один даже, захмелев, предложил жену. Я рассмеялся ему в лицо и закрыл для него двери своего дома. Навсегда. Моя репутация была мне дороже мимолетной выгоды.

В тот вечер особняк сиял: хрустальные люстры, позолота лепнины, шелк портьер — все подчеркивало мое богатство и, как я полагал, безупречный вкус. Ровно в восемь двери распахнулись для гостей.

Каждый подходил ко мне с выражением почтения, и я принимал эти знаки внимания как должное.

— Великолепный прием, Томас! — произнес один из лордов, вздернув подбородок, стараясь казаться выше.

— Благодарю, сэр Гоберри. Вкус и состояние достались мне от родителей. Моя заслуга лишь в том, что я сумел ничего не испортить.

Мы оба рассмеялись. В моих словах не было лжи. Родители сколотили состояние на текстиле и перед смертью завещали всё мне. Я не был праздным бездельником — я приумножал их дело, вкладывал деньги в новые станки, расширял производство. Это тоже играло немалую роль в моей «популярности». Меня боялись, уважали, но вряд ли искренне любили.

Лорд Гоберри похлопал меня по плечу, увлекая в сторону, подальше от ушей гостей.

— Томас, у меня к тебе просьба, — начал он, понизив голос.

— Маркус, я не женюсь на твоей дочери, — отрезал я. Эта тема мне порядком надоела.

— Нет-нет, мои девчонки уже пристроены! Слава Богу! — засмеялся он, но смех его звучал нервно. — Дело в жене и ее младшей сестре.

— На ней я тоже не женюсь, — усмехнулся я, делая глоток бренди.

— Нужна лишь работа, Томас. Эвери — замечательная женщина, добрая, работящая. Ее муж — неплохой малый, но ищет место. А у тебя, я знаю, всегда нужны люди.

— Сколько лет этой замечательной Эвери? — нахмурился я, чувствуя подвох.

— Двадцать... э-э... — Маркус замялся, потирая переносицу.

— Двадцать?! Всего двадцать? — переспросил я, и мой голос, должно быть, прозвучал резче, чем я предполагал.

Маркус поспешно закивал.

— Исключено! Ты прекрасно знаешь мои правила: никаких молодых служанок в доме. Ты хочешь, чтобы я сам себя искушал? Или чтобы у меня весь год под окнами девицы рыдали?

— Томас, она замужем! И, клянусь тебе, она безумно любит своего мужа. Смотрит на него, как на икону. Тебе ничего не грозит, клянусь честью! — Гоберри прижал руку к сердцу, и его глаза умоляюще смотрели на меня.

Я закатил глаза. Ни один муж еще не останавливал моих прежних любовниц. Скорее, их присутствие придавало игре особую остроту. Но Гоберри смотрел на меня с такой надеждой. Он много лет был правой рукой нашей семьи, без него многие дела, особенно в судах и с поставщиками, пришли бы в упадок. Я вздохнул, чувствуя, как привычная твердость дает трещину под напором старческой мольбы, и тут меня осенило:

— Пусть переезжают. Оба. Мне как раз нужен новый конюх. Старый совсем сдал, справляется еле-еле.

Лицо Маркуса озарилось такой радостью, будто я пообещал ему пенсию.

— Конечно! Они приедут завтра же! Я сам прослежу! — он тряс мою руку, утирая платком выступивший на лбу пот.

— Но только на полгода. Испытательный срок. Потом пусть ищут другое место, если не подойдут, — добавил я строго.

Старик согласно закивал, рассыпаясь в благодарностях. Наивный. Неужели в городе не нашлось другого места для работы для его родственницы? Ладно, девчонка будет жить здесь, под боком, но с мужем. Ничего страшного не случится. Я взрослый человек и умею держать себя в руках.

На следующий день, под моросящим дождем, на пороге стояла супружеская пара с одним потертым чемоданом. Я окинул взглядом мужчину: высокий, тощий блондин с руками, больше похожими на руки счетовода, чем работяги. Зря я поспешил с предложением — как такой сможет управляться с норовистыми жеребцами?

Затем мой взгляд упал на девушку, стоящую чуть позади него, и мир вокруг словно замер. Черт возьми, она была прекрасна! Длинные, до пояса, черные волосы, выбившиеся из-под капора, тонкая талия, перетянутая простым шерстяным платьем, острые, благородные черты лица и пухлые, чуть припухшие от дорожной сырости губы. Карие глаза, огромные и глубокие, как омут, длинные пальцы, нервно теребящие край накидки...

Я смотрел на Эвери, не в силах отвести взгляд, чувствуя, как внутри закипает тот самый знакомый азарт, который я так хорошо знал. Я рассматривал ее, как охотник рассматривает дичь, отмечая каждую деталь. Но она... она даже не смотрела в мою сторону. Её взгляд, полный нежности и заботы, был прикован к этому тощему блондину. Она что-то тихо шепнула ему, поправляя воротник. И меня это кольнуло. Остро и неприятно. Я не привык к равнодушию. Тем более со стороны таких красивых женщин.

Повисла неловкая пауза, которую прервал деликатный кашель дворецкого.

— Сэр, прикажете проводить мистера и миссис Гилберт в их комнату? — тихо спросил он, выводя меня из оцепенения.

— Да, — ответил я, и мой голос прозвучал на удивление сдержанно. — После обеда зайдите в кабинет, я объясню ваши обязанности.

Пара синхронно кивнула. Мужчина — с каким-то обреченным видом, девушка — с легкой, благодарной улыбкой, которая предназначалась не мне, а самой судьбе за предоставленный кров. Они ушли за дворецким, а я остался стоять в холле, сжимая в руке перчатку.

Маркус, старый черт! Он знал, что делал, когда привел её сюда. Девчонка слишком красива, чтобы я удержался. Но в ней было нечто большее, чем просто красота. В ней была эта проклятая преданность мужу, эта тихая, спокойная уверенность в своем счастье. А я не привык проигрывать. Я не привык, чтобы что-то или кто-то ускользало от меня.

Провожая их взглядом, я уже строил план. Пока смутный, похожий на охотничий инстинкт. Я просто решил, что узнаю её поближе. Просто поговорю. Просто увижу, что заставляет её светиться изнутри. А там будет видно. Я и представить не мог, что этот, казалось бы, невинный интерес станет началом конца, первой ступенью на пути, который приведет меня к гибели. Но в тот момент, глядя на то, как она поправляет волосы, уходя по коридору, я чувствовал лишь одно — предвкушение.

Глава 2. Девчонка Гилберт

И вдруг из этой бесконечной черноты проступили они… Два жёлтых глаза. Они горели ровным, немигающим светом, не как свечи и не как фары, а как светятся глаза зверя, затаившегося в чаще. Хищные, вертикальные зрачки сужались и расширялись, будто зверь принюхивался ко мне, примеривался…

Среди ночи из кошмарного сна меня вырвал протяжный, низкий рык. Он донёсся откуда-то с улицы, словно огромный зверь бродил вокруг дома. Я замерла, боясь дышать. Рык повторился — глухой, вибрирующий, полный такой древней тоски и ярости, что волосы на затылке встали дыбом.

Волки? — пронеслась шальная мысль.

Я села на кровати, вглядываясь в тёмный прямоугольник окна. Луна пряталась за тучами, и в комнате было черно, хоть глаз выколи. Сердце колотилось где-то в горле. И вдруг, сквозь вой ветра, мне почудился шёпот. Мужской голос, низкий и властный, произнёс прямо над ухом: *«Ты моя…»*

Звуки прекратились так же резко, как появились. В комнате было тихо. Ни рычания, ни шёпота. Только скрипели старые половицы под чьими-то осторожными шагами в коридоре.

Затаив дыхание, я бесшумно поднялась и схватила тяжёлую кочергу у камина. Возня в замке заставила сердце биться чаще и прибавило уверенности треснуть нахала кочергой по башке! Я приготовилась, встав у стены рядом с дверью.

Дверь медленно открылась. В проеме никого не было. Я ждала, сжимая кочергу так, что побелели костяшки.

— Опусти, или снова усыплю, — раздался из темноты насмешливый голос «зубочистки».

— Что тебе нужно? Изнасиловать меня пришёл? — выплюнула я, не опуская оружия.

Он рассмеялся, сухо и жёстко.

— Ты не в моём вкусе, детка. Хотя задница у тебя что надо.

— Меня сейчас стошнит от твоих комплиментов, — процедила я сквозь зубы.

— Будто меня это волнует.

Он шагнул в комнату и чиркнул зажигалкой, зажигая лампу на столике. Яркий свет на миг ослепил меня.

— Меня зовут Хэван. Так и будешь стоять с кочергой, как верная жена Полифема, или поговорим?

Я медленно опустила «оружие», но не выпустила его из рук.

— Я Алиса.

— Знаю, — усмехнулся он, разглядывая меня с каким-то странным интересом. — Из-за тебя вся эта канитель.

— Простите? — мои брови взлетели вверх. — Канитель?

— Я не тот, кто будет тебе всё объяснять.

— А кто *тот*?

— Хозяин, — терпеливо, как нашкодившей кошке, пояснил Хэван.

— Вы что, чертовы сутенёры? Поите мужиков, обыгрываете в карты и крадёте их жён и дочерей? — выпалила я первое, что пришло в голову.

Хэван удивлённо моргнул, а затем расхохотался уже по-настоящему, запрокинув голову.

— Неплохая идея! — сквозь смех выдавил он. — Подумаю на досуге. Ладно, слушай сюда. Через шесть часов мы должны быть в Хоэрте. Камеристка принесёт завтрак и одежду.

— Камеристка? — я хмыкнула. — Где это — Хоэрт? И где мы вообще?

— В Лондоне.

— В Лондоне?! — выдохнула я. — Сколько я была без сознания?

— Достаточно, чтобы покинуть Америку.

— Как вас так просто выпустили? Где пограничный контроль? Это похищение!

— Детка, будешь много спрашивать — придётся засунуть кляп в твой хорошенький ротик. Хочешь проверить?

Я промолчала, только сильнее сжав кочергу.

— Машина через час. Будь готова, — Хэван подмигнул и вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Я опустилась на край кровати. Англия, похищение, хозяин, рычание за стеной, горящие глаза во сне… Бред. Полный бред. Может, это розыгрыш? Реалити-шоу? Или секта, где все нюхают какие-то странные вещества?

И куда делась твоя хвалёная храбрость, Алиса?

Хрен знает почему, но я теряю самообладание при виде всех этих... мужчин.

Утром мне подали настоящий английский завтрак. Камеристкой оказалась женщина лет сорока, с идеальной осанкой и светлыми волосами, убранными в тугой пучок, от которого каждый волосок блестел, прилизанный лаком. Я съела тосты, яичницу с беконом, выпила кофе и разглядывала одежду, приготовленную на стуле: чёрные скинни, бежевые челси, белая рубашка, чёрный свитер крупной вязки.

Я была слишком спокойна для похищенной. Но что изменит паника? Если бы хотели убить, убили бы сразу, не кормя яичницей. Может, я не сопротивляюсь, потому что мне… интересно? После этого сна с глазами и шёпота в ночи любопытство боролось со страхом.

За окном нетерпеливо засигналила машина. Я вышла в коридор и нос к носу столкнулась с камеристкой.

— Ох, извините! — пролепетала я, отступая.

Женщина окатила меня таким ледяным, полным ненависти взглядом, что я опешила.

— Надеюсь, ты последняя, — прошипела она, брезгливо осматривая меня с ног до головы. — Осточертели мне эти девчонки Гилберт! — рявкнула она и, развернувшись на каблуках, гордо удалилась по коридору, цокая набойками.

Я застыла как вкопанная. За окном сигнал стал настойчивее, но мне было всё равно. Что она имела в виду? Какие девчонки Гилберт?

В дверь влетел Хэван, схватил меня за запястье и бесцеремонно выволок на улицу к поджидавшей машине.

— Чего мы с ней возимся? — буркнул толстопуз с переднего сиденья, даже не обернувшись.

— Заткнись и гони! Опаздываем! — рявкнул Хэван, заталкивая меня на заднее сиденье.

Настоящий, липкий страх сковал меня только сейчас. До меня здесь были другие девушки. Кто такие эти Гилберт? И почему камеристка причислила меня к ним? Что с ними случилось? Исчезли? Умерли?

Я покосилась на Хэвана. Тот мрачно смотрел в окно.

— Что? — заметил он мой взгляд.

— Почему без наручников? — попыталась пошутить я, чтобы разрядить обстановку.

— Будешь выпендриваться — поедешь в багажнике. Там темно и пахнет запасным колесом.

— Уже и спросить ничего нельзя, — буркнула я.

— Задавай нормальные вопросы, — милостиво разрешил он.

— Мисс обиженная-на-весь-мир-камеристка назвала меня «одной из девчонок Гилберт». Почему? Кто это? — выпалила я, подавшись вперёд.

Хэван удивлённо посмотрел на меня, сведя брови к переносице.

— Обалдела!? Фамилию свою забыла?

— Моя фамилия Брайт! Алиса Брайт! — воскликнула я, чувствуя, как внутри закипает паника. — Что за бред?

— Точно она? — прошептал толстопуз, обернувшись к Хэвану.

— Хозяин не ошибается. Никогда, — жёстко отрезал Хэван.

— Значит, она врет! — заключил третий мужчина, Гордъ.

— У меня документы есть! Паспорт, права! Они… где они? — я испуганно зашарила по карманам джинс. Пусто. — Как вы вывезли меня без паспорта?!

Мужчины бегло переглянулись.

— Свои связи, — буркнул наконец Хэван, отворачиваясь.

— Хороши связи, человека без документов оставили! Я теперь нелегал! — не унималась я.

— Они тебе не понадобятся! — рявкнул он. — Уедешь так же, как прилетела, когда всё решится.

Значит, не убьют. По крайней мере, сразу. Уже хорошо.

— А как я уеду, если отец за меня не заплатит? У него нет таких денег.

— Ох, девка! Надо было всё же кляп вставить! — Хэван театрально закатил глаза и потер лоб.

— Ты сам сказал «задавай нормальные вопросы», — усмехнулась я, хотя внутри всё дрожало.

— Лучше разберемся, почему она не Гилберт, — снова подал голос Гордъ. — Алиса, родители тебе родные?

Я поперхнулась воздухом. Вопрос прозвучал как пощёчина.

— Может, мать в роддоме подкинула? — предположил толстопуз, которого, кажется, товарищи звали Крепыш.

— Её мать несколько лет назад умерла, идиот! Хозяин говорил, что у неё сердце остановилось, — оборвал его Гордъ.

— Точно... — Крепыш почесал затылок.

— О чём вы, черт возьми, говорите?! — закричала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Откуда они знают про маму? Про её сердце?

В машине снова повисла гнетущая тишина. Гордъ откашлялся и уставился на извилистую дорогу, ведущую прочь из города.

— Алиса, мы не хотим тебя пугать, — мягко, почти извиняющимся тоном сказал он, не оборачиваясь.

— Так у вас это фигово получается, ребята, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает комок.

— Ничего, у тебя будет время прийти в себя и во всём разобраться. Хозяин ждёт.

Я обречённо вздохнула и прижалась пылающим лбом к холодному стеклу. За окном проносились зелёные холмы, аккуратные домики и овцы. Англия.

Дурдом!

Флешбэк 2. Томас

Эвери проработала в моем доме уже неделю. Я внимательно наблюдал за ней: как двигается, выполняет поручения, тихонько напевает себе под нос. Она оказалась прекрасной хозяйкой. Ее муж, напротив, был олухом. В первый же день забыл закрыть стойло, и жеребец устроил драку с другим конем. На следующий день он порвал дорогую сбрую. Я был в ярости, но Эвери умоляла не увольнять его. Ради нее я сделал последнее предупреждение.

Но дело было не только в ее мольбах. Дело было в ней самой. В том, как она ходила по дому: легко, бесшумно, словно не касаясь пола. В том, как пахли ее волосы — яблоками и утренней росой, когда она проходила мимо. В том, как она смеялась чему-то на кухне — тихо, но этот смех эхом отдавался у меня в груди. Я ловил себя на том, что ищу ее взглядом в коридорах, прислушиваюсь к ее шагам, намеренно оставляю дверь кабинета открытой, чтобы видеть, как она проходит мимо с охапкой белья. Это было наваждение. Безумие. Я, Томас Рид, никогда не бегавший за женщинами — потому что они сами бегали за мной — теперь украдкой следил за собственной служанкой.

Меня бесила ее преданность мужу. Бесило, что она ни разу не взглянула на меня с вожделением. Я привык читать это в женских глазах с первого взгляда: этот блеск, этот интерес, эту искру. В ее же глазах была лишь вежливая почтительность и, что хуже всего, искренняя нежность, когда она смотрела на этого никчемного Лорема. Черт, именно поэтому я не беру молодых служанок! Но ее равнодушие раздражало и заводило вдвойне. Оно стало вызовом. Оно превратило обычное желание в навязчивую идею.

Сегодня Эвери принесла мне завтрак в кабинет. Я редко пускал кого-то в личное пространство, но ради возможности любоваться новой служанкой был готов сделать исключение. Она вошла с подносом, и комната наполнилась светом. На ней было простое серое платье, волосы убраны под чепец, но одна непослушная прядь выбилась и касалась щеки. Мне безумно захотелось убрать ее, провести пальцем по этой щеке, почувствовать, какая она на ощупь: горячая, или прохладная?

Она поставила поднос и начала наливать чай. Я наблюдал за ее руками: длинные, изящные пальцы, которые, казалось, созданы для того, чтобы играть на фортепиано или держать шелк, а не мыть посуду и стелить постели. От одного вида этих пальцев у меня пересохло во рту.

— В это время я предпочитаю вино, — сказал я, не отрываясь от бумаг, хотя ни строчки не прочел с момента ее появления.

— Прикажете подать вина? — спросила она, не поднимая глаз. Голос тихий, ровный, но в нем чувствовалась легкая дрожь. Боится? Или тоже чувствует это напряжение между нами?

Я отложил документы и вздохнул, разглядывая ее: она стоит, чуть склонив голову, сложив руки перед собой. Покорно. Но в этой покорности не было раболепия. Было достоинство. Это бесило еще больше.

— Выпьешь со мной?

Она наконец подняла глаза. На секунду мне показалось, что в них мелькнуло что-то — удивление? интерес? — но нет, взгляд снова стал безупречно вежливым.

— Нет, сэр, благодарю. Если поручений больше нет, я пойду в сад.

— Зачем? — спросил я, хотя прекрасно знал ответ.

— Помочь мужу собрать яблоки.

— Это его работа. Он и должен с ней справляться.

— И все же... — она слегка улыбнулась. Она улыбалась не мне, а мыслям о нем. О своем никчемном муже.

Я встал. Медленно, чувствуя каждое движение собственного тела, я подошел к ней. С каждым моим шагом воздух между нами становился плотнее, тяжелее. Она вздрогнула, когда я оказался рядом. Ее дыхание участилось, я видел, как вздымается грудь под этим уродливым серым платьем.

— Нервничаешь? — уголки моих губ дрогнули в улыбке. Я был так близко, что чувствовал тепло ее тела.

— Немного. — Она не отступила, но голос дрогнул. — Боюсь сделать что-то не так. Мне важна эта работа.

— Только работа? — я склонил голову, вглядываясь в ее лицо. Она покраснела. Легкий румянец разлился по щекам, и это было прекраснейшее зрелище, которое я видел за последние годы.

— Конечно, сэр. — Она отвела взгляд. — Понимаете, мой муж игроман. Задолжал большую сумму, и теперь нам не дают покоя его товарищи. Сестра дала денег, но этого едва хватило даже на часть долга. Мистер Гоберри предложил мне работу здесь, сказал, что вы щедро платите.

Она запиналась от волнения, и это было так чертовски трогательно, что мне захотелось схватить ее в охапку прямо сейчас. Но я сдержался. Я хотел не просто обладать ею, я хотел, чтобы она сама захотела меня.

— Верно, мои слуги не жалуются на жалованье.

Она кивнула, не поднимая глаз. Я смотрел на ее ресницы: длинные, темные, они бросали тень на щеки.

— Ты хорошая жена, Эвери. Жаль, я презираю мужчин, которые перекладывают свое дерьмо на плечи жен.

Она сглотнула. Промолчала, но я видел, как дрогнули ее губы.

— Сколько должен твой муж?

— Пять тысяч фунтов.

Я нервно рассмеялся. Пять тысяч! Целое состояние для простого конюха. Этот идиот не просто олух.

— Ты знаешь, что отработаешь всего полгода?

Она кивнула.

— И понимаешь, что не заработаешь столько, да и мужа я уволю, если он продолжит в том же духе?

— Прошу вас, мистер Рид! — Эвери ухватилась за меня. Ее пальцы сжали мой рукав, и сквозь ткань я почувствовал жар ее ладони.

Я довольно улыбнулся. Мой план изначально был прост: секс в обмен на сохранение рабочего места. Но теперь, зная все детали, задача упрощалась. Пять тысяч — для меня сумма незначительная. А вот для нее... Я смотрел на ее губы, на то, как она кусает их от волнения, и чувствовал, как кровь быстрее бежит по венам.

— Слушай, — я прижал ее к стене. Не грубо, но достаточно решительно, чтобы она поняла: я не отступлю. Мои руки уперлись в стену по обе стороны от ее головы, заключая в ловушку. — Я дам вам эти деньги за небольшую услугу.

Дьявол! Никогда не платил за секс. Никогда. Это было против моих принципов. Но ее неприступность, ее равнодушие, ее проклятая преданность этому ничтожеству — все это свело меня с ума настолько, что я готов был нарушить любые собственные правила.

— Мистер Рид, — она отвела взгляд, щеки пылали огнем. — Я ведь никогда...

— Что? — опешил я. — Ты девственница?!

Эвери кивнула. Едва заметно, но кивнула. У меня перехватило дыхание. Девственница. Замужняя женщина, которая прожила с мужем два года — и девственница.

— Но ты замужем!

— Это... сложно. — Ее глаза наполнились слезами. — Я с детства любила Лорема, но он был предназначен моей сестре Саре. Они были помолвлены. А когда сестра вышла замуж за другого, более состоятельного мужчину, наши родители решили, что я должна занять ее место. Отдали меня ему, как... как вещь.

Она горько заплакала, уткнувшись мне в грудь. Я опешил. Никогда не умел утешать плачущих женщин, ведь обычно они плакали от счастья или от расставания со мной, но это были другие слезы. Я неловко обнял ее, прижимая к себе.

— Лорем не любит меня. Он до сих пор любит Сару. Он ни разу не прикасался ко мне. Мы спим в разных комнатах. Он смотрит сквозь меня. Для него я напоминание о том, чего он лишился.

— Как он может? — прошептал я, гладя ее по волосам, вдыхая их аромат. — Я еле сдерживаюсь, чтобы не взять тебя прямо сейчас. Каждую ночь думаю о тебе, каждую минуту, когда ты рядом, схожу с ума от желания. А он — он спит в другой комнате и не прикасается к такому сокровищу?

Она подняла на меня заплаканные глаза. И в них впервые появился интерес.

— Я готова отдаться вам, мистер Рид, — Эвери улыбнулась сквозь слезы. — Вы красивый и, кажется, добрый. Я заплачу долг Лорема, и, может, тогда он наконец увидит во мне не просто ненавистную жену, а женщину, которая пошла на все ради него.

Ситуация принимала интересный оборот. Я получу Эвери, она деньги и, возможно, мужа. Мне даже льстило, что я буду у нее первым. Что именно я, Томас Рид, научу ее тому, что такое настоящее наслаждение. Что именно мои руки, мои губы, мое тело откроют ей мир плотских удовольствий.

— Сегодня в полночь. Моя спальня, — шепнул я, касаясь губами ее виска.

Страх мелькнул в ее глазах, но она уверенно кивнула, забрала поднос и вышла. Я смотрел, как закрывается дверь, и чувствовал, как бешено колотится сердце. Никогда не понимал человеческих жертв ради любви. Самоотверженно, но чертовски глупо. Отдавать себя другому, чтобы спасти того, кто тебя не любит. Но сейчас мне было плевать на ее мотивы, сегодня ночью она будет моей.

Остаток дня тянулся невыносимо медленно. Я метался по кабинету, не находя себе места. Приказал подать ванну, сменил три костюма, прежде чем остановился на темно-синем халате из тяжелого шелка. Велел зажечь в спальне как можно больше свечей, хотел видеть каждый миллиметр ее кожи. Приказал принести шампанское в судке * со льдом, хотя обычно презирал это легкомысленное питье.

Ровно в полночь Эвери Гилберт стояла на пороге моей спальни.

У меня перехватило дыхание. На ней был надет красный пеньюар — шелк, тонкий, почти прозрачный — струился по ее телу, обрисовывая каждый изгиб. Черные волосы распущены, падают до пояса тяжелой волной. В свете свечей они отливали синевой. Она нервничала — это читалось в каждом движении, в том, как переминалась с ноги на ногу, как кусала губы. Но она пришла. Она пришла ко мне.

Я медленно подошел к ней, сгорая от нетерпения. Сердце колотилось где-то в горле. Хотелось наброситься, разорвать ткань на ее теле, взять и трахнуть, но я заставил себя быть нежным. Она ведь невинна, и я хочу, чтобы этот первый раз запомнился ей навсегда.

— Не бойся, — прошептал я, беря ее за руку. Ее ладонь была горячей и дрожала. — Я люблю женщин и буду осторожен. Ты готова?

Она слабо кивнула, и этот кивок стал призывом к действию.

Тишину ночи разрезал звук поцелуя. Я начал с долгих, нежных, не углубляясь. Просто касался ее губ своими, чувствуя их мягкость, их вкус. Она замерла, не дыша. Легко прикусил ее нижнюю губу, и она ахнула, приоткрыв рот. Я углубил поцелуй, и наши языки встретились в первом, робком, а затем все более страстном.

Она ответила неумело, несмело, и от этого внутри все взорвалось фейерверком.

Я отстранился, покрывая поцелуями ее нежную шею. Целовал плечи, ключицы, чувствуя, как бьется под губами ее пульс. Руками прижимал к себе, ощущая сквозь тонкий шелк жар ее тела. Пеньюар соскользнул с плеч, открывая взору маленькую, но прекрасную грудь с тугими розовыми сосками. Эвери вздрогнула, прикрываясь руками, но я перехватил их.

— Не надо, — прошептал я, глядя ей в глаза. — Ты прекрасна. Самая красивая женщина, которую я видел.

Ее щеки вспыхнули, но она позволила убрать руки. Я смотрел на нее — всю, без остатка — и не мог поверить своему счастью. Она стояла передо мной, обнаженная, в свете свечей, дрожащая от волнения и холода.

Я подхватил ее на руки, она оказалась легкой, как перышко, и понес к кровати. Шелк простыней, горы подушек, полумрак — идеальное ложе для того, чтобы подарить ей первый в жизни настоящий экстаз.

— Тш-ш... — прошептал я, укладывая ее и накрывая своим телом.

Каждый миллиметр ее кожи, каждый стон, каждый вздох — всё будет принадлежать мне. Потому что я попросту купил её.

*ведёрко или судок для льда, который использовали для охлаждения шампанского. В XIX веке, когда холодильников ещё не было, для этого применяли металлические судки, которые внешне напоминали самовары без верхней части и трубы. Внутрь вставляли колбу, в которую помещали бутылку, а сам судок заполняли льдом.

Глава 3. Замок Хозяина

Мы ехали бесконечно долго. Я дремала, мужчины переговаривались о картах и Лас-Вегасе. Мысли о словах камеристки не отпускали, но Хэван твердил: «Я не тот, кто расскажет». Оставалось только ждать встречи с Хозяином.

— *Алиса...*— позвал нежный женский голос.

Я вздрогнула и открыла глаза. Мы стояли на опушке густого леса.

— Где мы? — оглядываясь, спросила я.

— В Хоэрте, — ответил Гордъ.

— А где дома?

— Единственный нужный тебе дом — за лесом. Вылазь, — сказал Хэван, открывая дверь.

Я нехотя вышла.

— Дальше сама. — Гордъ протянул мне рукавицы.

— Что значит «сама»?

— Без нас. Верхом умеешь?

— Конечно нет! — закричала я. — И куда «дальше»? Я не пойду в этот лес!

Мои протесты проигнорировали. Гордъ скрылся за деревьями и через минуту вывел огромную лошадь.

— Машина не проедет, да и по сценарию ты должна быть одна, — Хэван закурил. — Мы подождем.

— По какому сценарию?! Вы больные? Наркоманы? Маньяки?

— Черт, садись на гребанную лошадь! — рявкнули с переднего сиденья.

— Просто сядь. Конь знает дорогу, — спокойно повторил Хэван.

Я часто дышала, морозный воздух жег легкие. Я обернулась: позади нас была оттепель и дождь, перед нами — лес в метели и сугробах.

— Что за хрень? — прошептала я.

— Алиса, не заставляй тебя усыплять и привязывать к седлу, — Хэван шагнул ко мне.

— Ладно, ладно! — выставила я руки. — Если надо, чтобы я ехала сама — пусть так. Черт.

Я подошла к лошади, Гордъ подсадил меня.

— Когда доберешься, ступай прямо в особняк. Тебя ждут.

Я закатила глаза. С этими мужланами бесполезно спорить.

Хэван хлопнул коня по крупу, и животное рвануло в лес.

Конь ловко преодолевал сугробы и бурелом, а я чудом держалась в седле. Вдалеке завыли волки. Мурашки побежали по спине.

Этого еще не хватало!

Впереди показались огни. Подъехав ближе, я увидела старинный замок с высокими башнями и полуразрушенными стенами. Конь вошел в ворота и остановился. Я спрыгнула на землю, щурясь от снега, летящего в лицо. Взгляд упал на огромную тень на крыше. Я ахнула.

Вдруг раздался настойчивый стук в окно. Я обернулась и в окне второго этажа увидела... отца!

— Папа!

Я бросилась в замок. Вбежав в коридор, замерла, прислушиваясь.

— Алиса... — хрипел голос. — Алиса...

Я рванула к одной из дверей. Заперто.

Так, как там крутые парни в кино делают?

Разбежавшись, я со всей силы ударила по двери ногой. Она, как картонная, распахнулась. В пустой темной комнате на полу сидел отец.

— Папа! — кинулась я к нему.

— Алиса, беги! Он не отпустит тебя! Он...

— Чудовище, — закончил мужской голос за спиной.

Я резко обернулась, заслоняя отца. Передо мной стоял высокий мужчина в капюшоне.

— Здравствуй, Алиса.

— Значит, ты главарь этих придурков?

— Дерзкая. Мне нравится.

— Пошел ты! Отпусти отца! Вы какая-то чокнутая секта или хиппи? Фильмов пересмотрели? Я вызову полицию, и ты сдохнешь в тюрьме! — адреналин бурлил во мне.

— Твой отец мне не нужен. Месяцами моей целью была ты. Старик — всего лишь план «Б». Но, либо он умрет, либо выйдет отсюда живым и невредимым, а ты останешься со мной.

— Никто здесь не останется! И ты тоже, маньяк!

Незнакомец надменно ухмыльнулся.

— Я слышу твое сердце, чувствую твой страх. Он пожирает тебя изнутри, — его голос звучал пугающе спокойно. — И поверь, ты еще будешь умолять меня прикончить его. — он кивнул на отца.

Я непонимающе уставилась на него. Из-под капюшона заметила яркие желтые глаза. Смешанные чувства, которые у меня вызывал этот незнакомец, попросту не давали покоя. Глубокий вдох наполнил легкие кислородом. Я сжала кулаки.

— Отпусти отца. Он старый человек. — в моем голосе звучало отчаяние. Бесстрашие исчезло так же резко, как и появилось...

— Нет! — закричал Джон. — Не смей, Алиса!

— Заткнись, Брайт! Ты проиграл дочь в карты!

Каким-то шестым чувством я знала — этот человек не отпустит меня. Ему что-то нужно и долг отца здесь совершенно ни при чем.

— Ему нужна я. Ты умрешь здесь. Тебя нужно вытащить, папа!

Но Джон даже и слушать ничего не хотел. Он в панике мотал головой, порываясь в драку с незнакомцем. В этот момент мужчина резко сорвался с места, подхватил моего отца, словно тот не весил и грамма, и быстро скрылся на лестнице. Я бросилась следом, но замок, как лабиринт, петлял бесконечными коридорами. Сердце бешено колотилось, крики отца звенели в ушах. Я бежала, пока не услышала приглушенный стон. В одном из залов я нашла отца: бледного, связанного канатами на мокром каменном полу.

— Папа, уходи! Со мной всё будет хорошо! — умоляла я.

Отец еле дышал.

— Я же сказал, — раздался громоподобный голос. — Ты всё равно останешься, Алиса. Просто при лучшем раскладе отец уйдет живым. — Его глаза победно сверкали.

— Я останусь. Отпусти его.

Он удовлетворенно кивнул, подошел к отцу и перерезал веревки.

Мир рушился. Пока я боролась со слезами, он схватил отца за капюшон и выволок из замка. Ноги подкосились. Я рухнула на пол, и слезы хлынули из глаз. Хотелось только одного — закрыть глаза и очнуться в нашем доме на колесах где-нибудь в жаркой Джорджии.

Хочу спать... Я так хочу спать...

Когда я очнулась, то не сразу поняла, где нахожусь. Все тело ломило, а руки жутко затекли. Я попробовала пошевелить ими, но с ужасом поняла, что не могу. Перед глазами стояла сплошная пелена, и очень сильно хотелось пить. Проморгавшись, я, наконец, смогла оглядеться. Темница. Здесь не было ничего, кроме серых стен, которые насквозь пропахли плесенью. Я почувствовала, что к горлу подступила легкая тошнота. В глазах снова помутнело, желудок скрутило болезненным приступом и меня вырвало. Затем еще и еще раз, пока изо рта не начала выходить желтая жижа. Я сплюнула скопившиеся во рту слюни. Черт, теперь пить

хотелось еще сильнее, а к отвратному запаху плесени прибавился запах рвоты. Руки ныли от боли и непрекращающегося жжения на том месте, где цепи уже успели натереть запястья до крови.

Хорошо, что папа в безопасности.

Безусловно, мне было страшно. Любому на моем месте было бы страшно. Минуты текли одна за другой, превращаясь в вечность. Ничего не происходило. Просто ни-че-го. Это сводило с ума. Я не знала, что меня ждет. Что Хозяин собирается со мной делать. Не знала, к чему быть готовой. Только ясно точно: смерти в этом замке я не дождусь. Но и быть пленницей — не самый лучший выход. Пытки? Боль? Ритуальный обряд, где мне по кусочку будут сдирать кожу? Нет уж, лучше сначала пусть убьет! А если он маньяк? Тогда ему просто будут доставлять удовольствие мои мучения и крики.

Странно, ведь еще совсем недавно я и подумать не могла о том, что в мире есть вещи хуже смерти.

Скрип двери заставил вздрогнуть. В камеру вошел тот самый высокий худой мужчина в мантии. Он встал напротив меня и снял капюшон. В тусклом освещении я попыталась разглядеть его: неестественная бледная кожа, ярко-желтые глаза, высокие скулы и густые черные брови. Волосы тоже были черными и непослушными, отчего выглядели неряшливо. На шее какие-то иероглифы в виде татуировки. Глубокий шрам, разрезавший его лицо как бы на две части — от левой щеки и до правого виска, — придавал мужчине суровости и внушал страх. Но, несмотря на свой устрашающий вид, от незнакомца веяло чем-то знакомым, даже родным.

— Встань, — приказал он.

Его голос звучал настолько неестественно, что я даже не сразу поняла просьбу.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать... — прохрипела я.

Он кивнул. Я заметила темные круги у него под глазами. Наверняка мало спит.

— Нет, я лишен этой привилегии.

Я испуганно посмотрела на него. Он что, читает мысли?

— Полагаю, ты ничего не знаешь? — уточнил он.

— Ну... не совсем. Знаю города, язык программирования, год выхода первых «Сумерек».

— Что? О чем ты? — фыркнул он.

— Ты сказал, что я ничего не знаю.

Он глубоко вздохнул и громко выдохнул.

— Дьявол, какая же ты странная!

Я засмеялась.

— Мне определенно стоит заняться твоим воспитанием, — спокойно ответил он, но в глазах полыхнуло пламя.

Сердце забилось чаще. Дыхание стало обжигающим. Его самодовольная улыбка действовала на нервы. Что вообще происходит?

— Может, для начала займешься своим?

Он подошел вплотную, и я занервничала.

— Странно, — шептал он, прижимаясь, — ты какая-то другая. Но чертовски похожа на эту дрянь! Только пахнешь лучше и дерзишь куда больше.

Он приподнял мой подбородок, заставляя смотреть в глаза. Его прикосновения были ледяными и болезненными. Я осознала, что передо мной чудовище, а не человек. Я зажмурила глаза и попыталась увернуться от его руки.

— Нет, смотри на меня, Алиса Гилберт, — он погладил мою щеку. — Меня зовут Томас Рид. И это имя ты запомнишь надолго. А пока...

Он провел пальцем от моего лба к переносице.

— Добро пожаловать в мой замок.

Шепот Томаса больше походил на приятную колыбельную.

Я медленно сползла по стене. Во рту чувствовался сладкий привкус мяты. Мысли заплетались, в голове появился приятный туман. С каждой новой секундой мне все труднее открывать глаза. Веки словно налились свинцом, и меня поглотило царство Морфея.

Флешбэк дракон.

Несколькими месяцами ранее. Томас.

Я сидел за столом, глядя на догорающую свечу в торте. Слуги суетились вокруг, пытаясь развеселить меня в этот проклятый день, который почти двести лет назад стал роковым. Времени не осталось! Сколько девушек я уже забрал — сотни, тысячи? Их лица слились в один бесконечный, испуганный образ. Я должен найти эту тварь Гилберт, только она сможет снять проклятие.

Запястье обожгло. Печать пульсировала, напоминая о неизбежном конце, начиная обратный отсчет.

Я найду тебя, сука! — Мой принц... — раздался писк. Возле моих ног терся маленький серый тролль. — Что?! — рявкнул я, и тролль испуганно прижал длинные уши. — Девчонка, сэр, мы нашли ее. — Где?! — я вскочил, опрокинув стул. — На автосвалке в штате Монтана. В Америке. — Так доставьте сюда! — глаза горели яростью и безумной надеждой.

Двери распахнулись. — Что за крики? — раздался спокойный голос Хэвана. Он вошел, попыхивая трубкой, облако ароматного дыма поплыло к высокому потолку. — Вовремя, Хэван. Девчонка нашлась. Она нужна мне здесь! Хэван спокойно затянулся, выпуская кольца дыма. — Ты уверен, что это та самая? — О чем ты?! — заорал я. — Не кипятись, ваше высочество. Просто она уже, какая, сотая? — он говорил ровно, без тени насмешки, но от этого его слова жалили больнее. — Каждая из них была «последней надеждой». И где они теперь?

Я злобно уставился на него, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. Он лишь пожал плечами и вышел, оставив меня в тишине, наполненной тиканьем проклятых часов и… пробили полночь.

Проклятие вновь настигло меня. Сначала это была просто вибрация — воздух вокруг меня задрожал. Затем печать на запястье взорвалась агонией, и боль, острая, как тысяча клинков, пронзила все тело. Я упал на колени, пытаясь закричать, но из горла вырвался лишь хрип. Жжение пронзило спину, позвонки с хрустом начали смещаться, выгибаясь дугой. Я чувствовал, как рвется моя человеческая плоть, как лопается кожа, и из-под лопаток, пробивая мышцы, прорываются огромные черные крылья. Это было невыносимо — мокрые от крови перепонки, складывающиеся, как у летучей мыши, расправлялись, ломая ключицы. Челюсти хрустнули и выдвинулись вперед. Из пасти вместе с последним человеческим криком вырвалось облако горячего пара, а затем и первое пламя. Клыки, один за другим, прорезали десны, разрывая губы, которые тут же затягивались новой, чешуйчатой кожей. Пальцы на руках свело судорогой, ногти почернели, утолщаясь и загибаясь, превращаясь в острые, как бритва, когти. Кожа по всему телу пошла рябью, твердея, покрываясь слоем непробиваемой черной чешуи-брони.

Я больше не человек. Я — дракон. Но это было не просто превращение. Это было раздвоение. Внутри моего черепа бились два сознания: одно — загнанное в угол, обезумевшее от боли «я», принц Томас, и другое — огромное, древнее, голодное Чудовище, которое только и жаждало простора. Мы не были одним целым, но я чувствовал всё, что делал этот зверь, каждым нервом, каждой чешуйкой. Я был пассажиром в собственном теле. Или это и есть настоящий я?

Зверь расправил крылья. Один мощный взмах поднял ураган в тронном зале, сметая свечи и бумаги. Второй — и тяжелое тело, подчиняясь инстинкту, рвануло вверх, выбивая витражное окно. Осколки стекла дождем посыпались вниз, а дракон вылетел в ночное небо.

Свобода!

Шум ветра, свистящий между шипов на гребне, запахи лесов, рек и дождя, идущего где-то далеко за горизонтом, обрушились на меня с невероятной силой. Не было ничего прекраснее этого мгновения!

Мы взмывали свечой вверх, пронзая облака. С каждой секундой мир внизу становился всё меньше и незначительнее. Замок превратился в игрушку, а горы в сморщенные тряпки. Вот она, истинная свобода! Человеческая часть меня, та, что была Томасом, на миг забыла о боли, о ненависти, о проклятии. Чудовище купалось в стихии, наслаждаясь мощью каждого мускула, игрой ветра в перепонках крыльев. Я чувствовал, как воздух врывается в легкие, раскаляясь добела, готовый в любой момент вырваться наружу потоком уничтожающего огня.

Мы перевернулись в воздухе, и луна на миг ослепила меня. Ее свет отражался в тысячах черных чешуек, и на какое-то мгновение я увидел свое отражение в облаке — прекрасное и ужасающее чудовище, король ночного неба.

Но это длилось лишь миг.

А потом накатила тьма. Человек внутри сжался в комок, глядя на то, что видит зверь: спящие деревни, беззащитные стада, тонкие нити дорог. Чудовище потянуло ноздрями воздух, различая запах страха, пота, теплой крови. Желудок сжался от дикого голода. Мы планировали над облаками, огромные, черные на фоне серебряного диска луны. И не было ничего прекраснее этого мгновения и ничего ужаснее всего остального. Потому что я знал: сейчас мы полетим убивать.

Конец флешбэка.

В нос снова ударил резкий запах плесени и сон моментально отступил. Спина ныла от жесткого каменного пола, руки и ноги были ватными и совсем не слушались. Я не хотела открывать глаза, не хотела просыпаться. Мне было так спокойно и хорошо во сне. Желудок сводило от голода. Горло драло от жажды. Каждый вдох давался тяжело. Казалось, болели уже даже легкие: они напрочь пропитались этим смрадом! В камере по-прежнему очень холодно и сыро. Ко всему, еще и добавилась вонь засохшей рвоты. Делаю глубокий вдох и не могу сдержать стона. Как же болит все тело!

Вдруг дверь камеры противно заскрипела. Я поднялась на ноги, опираясь руками о липкую стену. Что-то маленькое скользнуло внутрь, а затем затаилось в углу, с интересом разглядывая меня.

Что это за хрень? Это... шиншилла? Крыса? Бобер?

— Я не все из перечисленного вами, мисс. Меня зовут Гордни. Я домовой тролль.

Так, я, кажется, надышалась плесени. Или у меня нервный срыв. Сейчас я закрою глаза, и это исчезнет.

Я зажмурилась и сделала глубокий вдох. Где-то послышались капли воды, и я старалась сосредоточиться на этом звуке, пока медленно выдыхала. Открыв глаза не обнаружила перед собой никого.

— Мисс, у вас всё хорошо?

Тролль возник у меня за спиной. Я подпрыгнула.

— Ты галлюцинация!

— Нет-нет, мисс, не пугайтесь!

Он приближался. Я пятилась, пока не наступила в рвотные массы, поскользнулась и с грохотом упала.

В дверях послышался гогочущий смех, и вбежало еще с полдюжины троллей. Они с интересом меня разглядывали.

— Эта хорошенькая, да, босс? — пискнул один.

— Все они хорошенькие. Но эта... другая.

Самый толстый и высокий тролль вышел вперед и подошел ближе. Он ухватил меня за кисть и принялся считать пульс.

— Вам явно нездоровится, милочка. Фред, Бэрни, помогите мисс Гилберт привести себя в порядок и отведите в ее комнату.

Тролли переглянулись.

— Но босс, хозяин будет в ярости...

— Хуже будет, если она умрет раньше времени, — отмахнулся главный.

Стоп, что!?

— Что значит раньше времени? — переполошилась я.

Тролль засмеялся.

— Не обращай внимания, милочка. Мы тролли не умеем правильно выбирать выражения.

Они вывели меня из темницы. Я брела по коридорам старинного замка, пораженная его величием и запустением. Потолок в паутине, ободранные гобелены, выбитые стекла, жуткие скульптуры. Тролли весело кувыркались вокруг, говоря на странном языке. Несмотря на мрак, замок обладал странной притягательностью.

— Почему здесь так ужасно? — спросила я Гордни.

— О, когда-то это был прекрасный дворец! Принц следил за каждой пылинкой и являлся настоящим эталоном изыска и хорошего вкуса!

— Принц? — я не сдержала смешка.

— Более двухсот лет назад здесь жил принц, — тролль погрустнел. — Но он потерял себя из-за жадности. Он презирал ту, что любила его, и выбрал власть. Ведьма прокляла его, лишив возможности быть счастливым.

— Гордни, тупая твоя голова! — рявкнул старший тролль, отвесив ему оплеуху. — Мисс, просто идите за мной.

Через несколько минут меня подвели к массивным дверям.

— Ваша комната, мисс Гилберт.

— Брайт, — поправила я, но тролли меня не слушали.

Я вошла и замерла: в центре комнаты стояла огромная кровать с высокими стойкими столбами, украшенная тонкими резными узорами. Пушистое одеяло из ткани, блестящей под лучами слабого света, призывала к покою и отдыху. Стены были украшены тканью с золотыми вышивками, изображавшими странные сказочные существа и мистические символы. Пол выложен массивными деревянными плитами, скрипевшими при каждом шаге, напоминая о старине и величии замка. Высокие узкие окна, украшенные стеклом витражами, пропускали в комнату лучи света луны, создавая игру теней на стенах и полу. К тому же меня удивило гостеприимство троллей, которые суетились вокруг, предлагая ванну, еду и напитки. Их веселые выражения лиц и неуклюжие движения создавали забавную картину, наполняя комнату радостью и теплом.

Полная трольльчиха с бантом представилась:

— Меня зовут Зои. Ты очень смелая, что спасла отца! Конечно, Хозяин бы ничего ему не сделал, наверное... — Зои задумалась. — Не важно, ты все равно очень храбрая!

Она пожала мне руку.

Вдруг в коридоре раздался басистый мужской голос. Уже через секунду дверь комнаты распахнулась и внутрь вошел разгневанный Томас.

— Как это могло произойти?! — ревел он, сотрясаясь от ярости. — Вы смогли причинить такой позор моей семье, предоставив этой... этой никчемной девчонке убежище в моем замке!

Тролли молча стояли перед Томасом, испытывая его гнев на своих плечах. Они знали, что могут только слушать и молчать, сжимаясь при этом в комочки. Но несмотря на это, старший тролль все же осмелился заговорить:

— Ваше высочество, раз уж девушка проведет здесь... некоторое время, я подумал, что можно предложить ей более удобную комнату, нежели темница.

— Мы не могли оставить ее там умирать... — Тихо дополнила Зои.

— Молчать! — прорычал Томас, прерывая троллей. — Вы не имеете права защищать свои безрассудные поступки передо мной! И тем более не имеете права предлагать удобства девчонке Гилберт! Теперь отправляйтесь к своим обязанностям и не смейте больше когда-либо нарушать мою волю!

Тролли поклонились и испуганные выбежали в коридор

— А ты... — он подошел ко мне вплотную, сжав кулаки. — Твое место в темнице!

Я смотрела на него, чувствуя, как странное притяжение смешивалось с отвращением. Его слова были резкими и беспощадными. Я не могла предсказать, как он отреагирует в следующий момент, и это наполняло меня тревогой... Его гнев пугал, но в то же время влекло что-то неуловимо знакомое.

— Я решил дать тебе приют здесь, но могу и отнять! Ты лишь моя игрушка, Гилберт!

— Да неужели? — огрызнулась я. — Где манеры, ваше величество?

— Заткнись! Ты не знаешь, кто я.

— Но я знаю, что нужна тебе живой.

Он хищно усмехнулся.

— Да. Но я могу сделать твое пребывание здесь настолько ужасным, что ты сама будешь умолять о смерти, сучка Гилберт.

— Что я тебе сделала? Мы даже не знакомы! Ты меня с кем-то путаешь!

Принц сурово усмехнулся, в глазах сверкало презрение.

— Здесь нет ответов на твои вопросы. Ты не найдешь ничего, кроме своих собственных иллюзий. Этот замок — моя территория, а ты не можешь шататься по замку, когда вздумается! Твоя территория только эта комната.

Он вышел, хлопнув дверью. Я вздрогнула и подошла к окну, вглядываясь в ночь. Сердце тяжело стучало. В какое же дерьмо я вляпалась?

Флешбэк 3. Томас

1840 год, Хоэрт, Англия.

На свете не было ничего прекраснее, чем мягкий свет свечи, который плавно освещал контуры лица спящей женщины рядом со мной. Я не мог удержаться от восторга, наблюдая за Эвери, ее дыхание тихо и ровное. Ее рука лежала на моей груди, создавая ощущение тепла и защиты. Я нежно погладил ее волосы, чувствуя, как сердце стучит быстрее.

Черт, это ведь всего лишь служанка! Одна из сотни девушек, с кем секс — это просто секс!

Мои чувства были в бурном движении. Она отдала мне свою девичью чистоту, теперь я был не просто ее хозяином. Что-то внутри подсказывало: «она принадлежит тебе, Томас, в пекло принципы!» С каждой секундой, проведенной в ее обществе, я понимал — что-то меняется в отношении к ней. Эвери была не просто служанкой. Не могу до конца понять этого ощущения, это сводит с ума! Почему мне не оторвать взгляд от ее изящной фигуры и нежной кожи? Это было чем-то большим, чем просто влечение. Это было что-то, что заставляет думать о ней днем и ночью, не давая покоя. Одержимость, желание овладевать ею снова и снова! И вот сейчас, когда она уязвима и одинока, решимость помочь стать свободной от долга по картам ее мужа крепла с каждой минутой. Эта игра точно будет опасна, но я не мог остановить себя. Я был готов пойти на все, чтобы увидеть улыбку на лице Эвери, заслужить ее доверие. Зачем? Хрен знает. Мне просто нужно самоутвердиться, укрепить свою власть над другими людьми.

В этот момент девушка повернулась на бок. Я провел ладонью по ее волосам.

— Ты будешь моей. — тихо шепнул я.

Утреннее солнце проникало сквозь занавески, окутывая комнату теплым светом. Протягивая руку вперед, я не обнаружил привычного прикосновения, которое должно было быть рядом. Взгляд мгновенно окаменел, осознавая, что Эвери не рядом. С быстрым движением я поднялся с постели, оделся в суете, окутанный чувством недовольства. Внутри буквально все кипело! Как так, девчонка взяла и убежала из постели?! Я поспешил вниз, к завтраку, попутно размышляя о своевольном нраве Эвери.

Раскрыв громадные резные двери, я ворвался в обеденный зал. Слуги торопливо сервировали стол, но я был сосредоточен на другом. — Где Эвери? — мой голос звучал строго, отражая раздражение.

Мне всегда было плевать на мнение прислуги. Даже сейчас, когда каждый из них пялился на меня, в удивлении выпучив глаза, их комментарии не имели места быть. Все эти люди знали, что в одночасье останутся нищими бездомными попрошайками, если хоть одно неверное слово будет сказано. Поэтому на мои вопросы я всегда получал прямой ответ.

— Миссис Гилберт с раннего утра в конюшне, господин. Помогает своему мужу с лошадьми, — ответила одна из слуг, подавая завтрак.

— Кто разрешил?! — грозно рыкнул я.

— Но... э... Ваше высочество, миссис Гилберт просто ушла. Сама.

— Просто ушла сама, — повторил я. — В ваши обязанности входит смотреть друг за другом, чтобы каждый выполнял лишь свою работу! Если каждый начнет своевольничать — в замке воцарится хаос! Слуги нервно переглядывались между собой.

Я раздраженно вздохнул и уставился на свою тарелку, неощутимо стискивая вилку в руке. В груди что-то сжималось, когда я представлял себе Эвери, заботливо ухаживающую за своим недотепой-мужем. Какого хрена?

Прислуга сбивчиво извинялась, но чувство недовольства только усиливалось с каждой минутой.

— Замолчите, — выдохнул я. — Идиоты.

Оставив меня в одиночестве, челядь скрылась в соседней зале.

Желудок свело от голода, когда аромат свежей яичницы, готовой верным шеф-поваром, достиг обеих ноздрей. Ладно, сейчас я поем, а затем разберусь с семейкой Гилберт. Несмотря на мое влечение, Эвери не должна забывать свое место! Я недовольно хмыкнул и уже собрался приступить к завтраку, как дверь приоткрылась, и в зал вошел Хэван. Высокий и стройный, с темными вьющимися волосами и ярко-голубыми глазами, Хэван всегда выглядел как выходец из сказки. Он был моим десницей уже несколько лет, но наши отношения были далеки от формальностей. Хэван часто поддразнивал мои выходки и не стеснялся высказывать свое мнение.

— Доброе утро, ваше высочество, – произнес Хэван, склонившись в неглубоком поклоне. — Что за дерзость с утра пораньше?

Я улыбнулся.

— Чертова девка сбежала от меня с первыми лучами солнца. А может и раньше. — выплюнул я раздраженно.

Хэван засмеялся.

— Теряете хватку, мой принц.

— Кончай ржать!

— Может быть ее муж в постели лучше тебя? — Хэван скалился.

А вот и мой выход:

— Она девственница, — лучезарная улыбка тронула уголки моих губ. — Была.

— Не-е-е-т! Ты серьезно?! Вот это куш!

— Ни разу не спал с девственницей. Это... необычно. — я задумался, вспоминая неумелые касания Эвери.

— Теперь ее можно гнать отсюда вместе с муженьком.

— Не спеши, — я прищурился и откусил кусок хлеба. — У меня есть идея получше.

Хэван нахмурился.

— У ее мужа огромный долг по картам. Я пообещал помочь, взамен она будет приходить ко мне каждую ночь, пока мне не надоест.

— Хах, да ты влюбился!

— Какой вздор! Девчонка просто слишком хороша, чтобы отпустить ее после одного раза.

Хэван продолжал ухмыляться, но ничего не сказал.

— Каковы планы на сегодня?

— Позавтракать, — вполне серьезно заявил Хэван. — А после я бы хотел познакомиться с особой, вскружившей голову нашему принцу. — Хэван усмехнулся и подошел к столу, чтобы налить себе чашку чая. — О, еще я пришел, чтобы напомнить вам о важной встрече с делегацией из соседнего королевства. Вам стоит быть великодушным и внимательным к их просьбам.

Я кивнул, понимая серьезность ситуации. Мое королевство находилось на пороге важного союза, и каждая встреча с представителями других земель могла определить будущее страны. Но несмотря на все политические интриги и угрозы, я знал, что могу полностью доверять Хэвану.

— Спасибо, Хэван. Я буду готов. Но сначала мне нужно посетить конюшню.

Я встал из-за стола, улавливая на себе заинтересованный взгляд Хэвана.

Ничего не ответив в свое оправдание, я покинул обеденный зал. Десница последовал за мной, оставив трапезу на потом. Уже возле самой конюшни послышался чей-то очень возмущенный голос. Приблизившись, я понял, что это Лорем: он яростно кричал на Эвери, словно отбрыкивавшийся конь. Его голос пронзал воздух, создавая атмосферу напряжения и угрозы. Он обвинял ее в невежестве и бестолковости, размахивая руками и грозя ударить ее. Эвери стояла перед ним неподвижно, взгляд, устремленный в пол, но в ее глазах мелькало мучитель-

ное чувство стыда и обиды. Вместе с Хэваном мы тут же подошли, чтобы разобраться в происходящем.

— Кто тебя просил сюда приходить?! Вечно от тебя одни проблемы! — кричал Лорем.

Увидев непристойное поведение Лорема, я сделал шаг к нему, вступившись за Эвери.

— Тише, Лорем! — рыкнул я, хватая мужчину за руку, которая стремилась к удару. — Такое поведение недопустимо! Эвери здесь не для того, чтобы ты на нее кричал и угрожал ей. Она тебе помогает, так как заботится о тебе, потому что ты совершенно не справляешься со своей работой! Веди себя по-мужски и разговаривай, а не кричи на женщину!

Лорем хмуро посмотрел на меня, отчаяние и ярость боролись в его глазах. Он хотел что-то возразить, но мой стальной взгляд был столь настойчив, что слова застряли у него в горле. Он отвернулся и, с силой оттолкнувшись, вышел из стойла, оставив за собой след обиды и уязвленного самолюбия. В это мгновение в конюшне воцарилась тишина. Лишь жесткое дыхание Эвери резало мой слух.

Хэван молча разглядывал девушку, словно прекрасную дорогую картину. Я первым решил прервать неловкую паузу:

— Надеюсь, это послужит вам уроком, миссис Гилберт! — я гордо выпрямился, расправив плечи. — У каждого в этом замке своя роль, а вы влезли не в свое дело и, если бы я не подоспел вовремя, кто знает, каким бы большим был синяк на вашем милом личике. Порядок — есть дисциплина! Нельзя действовать вопреки, какими благими бы ни были ваши намерения.

Эвери переминалась с ноги на ногу, боясь поднять на меня взгляд.

— Это все. Ступайте. — холодным тоном бросил я, и девчонка, склонив голову в знак уважения, быстро вышла из конюшни.

Я покосился на стоящего рядом Хэвана, который почти задыхался, сдерживая смех.

— Ну какого черта ты делаешь?! — рыкнул я.

— Порядок — есть дисциплина, — повторил он писклявым голосом, передразнивая. — Ваше высочество, тебе ли говорить о дисциплине.

— Еще одно слово, и придется искать нового десницу, — я закатил глаза. — Прислуга должна видеть во мне лидера, страх, человека, кто держит порядок! Если я буду расхлябанно относиться ко всем и всему — меня легко можно будет свергнуть, отобрав замок и целое состояние моей семьи.

— Ты не найдешь нового десницу, я слишком хорош! — Хэван важно прошагал к выходу.

— Черт бы тебя побрал, Хэв, но ты прав. Слишком много тайн знаешь, проще уж будет тебя убить. — я рассмеялся.

— Если у тебя это получится, я буду благодарен.

Мое лицо помрачнело. В голове сразу всплыло воспоминание о первой встрече с другом...

Англия, 4 года назад.

Тусклый свет факелов освещал каменные стены замка. Я стоял в полутьме, слушая гулкие шаги своей любовницы, жены лорда Эдвина, которая уже отправилась в супружеские покои. Страсть все еще пылала в груди, напоминая о запретных ощущениях, которые я испытывал в эту ночь. Я прошелся по комнате, размышляя о безумии своих поступков.

Вдруг за дверью раздался шорох, и я почувствовал, как сердце замерло. Лорд Эдвин стоял передо мной и его глаза искрились гневом.

— Томас, ты предал меня! — прозвучал его голос холодно и угрожающе.

Я знал, что должен действовать быстро. С силой, которой не подозревал в себе, я рванулся к выходу из замка, ускользая от преследования стражников.

Уже у самой двери передо мной возникла огромная огненная птица. Она преградила мне путь, оборачиваясь в человека.

— Так-так, — прошептал он, устало улыбаясь. — Томас Рид, я долго ждал встречи с тобой.

— Боюсь сейчас не лучшее время для встречи. — я озирался назад, слыша набег стражи.

— Беги, Томас. — шепнул он, встретившись со мной темными, решительными глазами.

Я взглянул на него, исполненный благодарности и изумления. Он кивнул и в мгновение за его спиной выросли огненные крылья.

Бегущий в ночи, я ощущал, как адреналин заставляет сердце биться быстрее. Преодолев значительное расстояние, наконец остановился, задыхаясь и медленно приходя в себя от напряжения. В кустах послышалось шуршание. Я встал в стойку, готовый напасть на недруга.

— Спокойно, ваше высочество, это я, — из кустов вышел тот самый молодой человек. — Мое имя Хэван Олдберри.

Я нахмурился.

— Олдберри?

В голове закрутились шестеренки, и я вспомнил, как отец рассказывал мне о семье, на которую наложила проклятье старая колдунья.

— Твоя семье ведь...

— Да, пала жертвой порчи. — Хэван пожал плечами.

— Мой отец пытался спасти тебя. И умер сам!

— Да, твой отец пытался снять проклятье, узнав, что его сестра беременна моим ребенком. Но... колдовство никого не щадит, верно?

Мои щеки пылали от злобы:

— Из-за тебя я лишился родителей, будучи подростком! И что ты вообще такое?! Какая-то... птица?

— Феникс, — поправил Хэван. — Это и есть проклятье старухи. Не могу упереть, меня нельзя убить... Я вынужден страдать вечность и видеть, как умирают те, кто мне дороги. Как разрушается привычный мне мир.

Не знаю почему, но мне стало жаль парня. Я переживал смерть мамы и папы очень плохо. Если бы не прислуга, давшая клятву заботиться обо мне, я бы умер от горя. Наверное, поэтому слова Хэвана меня задели. Видеть раз за разом смерть своих близких — тяжкое бремя.

— Ладно, — вытер ладони о штаны, — идем, расскажешь поподробнее о себе, моем отце и ваших интригах с моей тетей.

— Благодарю, ваше высочество! — Хэван склонил голову.

Глава 4. "Спокойной ночи, моя добыча"

Томас

Я бушевал в ярости, словно вихрь! Мои кулаки с грохотом обрушились на полированную столешницу, заставив дрожать хрустальные графины. Воздух в комнате загустел от напряжения.

— Не понимаю! — прорычал я, меряя шагами комнату. — Как она может быть столь упертой и непредсказуемой, буквально перевоплощаясь во вторую Эвери Гилберт! — Я бросал резкие слова в сторону Хэвана, и каждое мое слово с шипением взрывалось, ударяясь о каменную кладку стены.

Хэван, живое воплощение спокойствия, застыл в дверном проеме, скрестив руки на груди. Его невозмутимость бесила меня еще больше.

— Томас, тише, — протянул он. — Алиса может быть странной, но мы должны помнить, что она — всего лишь кусочек головоломки, которую нам предстоит разгадать.

Я резко остановился и вперил в него тяжелый взгляд. В его глазах была та самая неизъяснимая мудрость, которая всегда говорила мне, что он видит гораздо больше, чем позволяет себе произнести вслух.

— Это не головоломка, Хэван! — мое лицо исказилось от негодования. — Это — капризная, вздорная девка, которая ворчит на нас с того самого момента, как ее грязные ноги коснулись пола этого замка. И она... она... — слова застряли в горле, превратившись в тяжелые камни, которые я с болью швырял в сторону своей собственной, вечно кровоточащей памяти. — ...так похожа на Эвери!

Хэван лишь кивнул, и в этом кивке сквозило не согласие, а глубокое, почти отеческое сочувствие.

— Херова семейка Гилберт! — выкрикнул я, и эхо заметалось под высокими сводами.

— Да, она похожа на Эвери, — спокойно продолжил Хэван. Он отлепился от косяка и медленно шагнул ко мне. — Но давай вспомним, что нам нужна она только для обряда. Её характер, её упрямство — шелуха. Нам важен только её дар.

Он подошел вплотную и тяжело положил руку мне на плечо.

— Нужно позвать Алису на ужин. Сядь за один стол с ней. Посмотри в глаза.

— Нет, Хэв, этого не будет! — я сбросил его руку, чувствуя, как внутри снова закипает слепая ярость. — Она и из темницы не должна была выходить, а теперь, благодаря этим никчемным троллям, у нее вообще своя комната с перинами и покрывалами!

— До красной луны она будет здесь, Томас, — терпеливо, как ребенку, повторил Хэван. — И нам придется с ней сотрудничать. Давай просто поговорим с ней, попробуем понять, кто она на самом деле. Ведь даже если её лицо — насмешка судьбы и она до жути напоминает Эвери, мы все равно должны принять это. Или ты хочешь, чтобы печать убила тебя?

Я замер. Слова друга полоснули по самому больному. Я скрипел зубами, чувствуя, как от злости сводит скулы, но где-то в глубине сознания его резонность дала трещину в стене моего гнева.

— Твой год скоро закончится, — тихо, но веско заключил Хэван, кивая на мою руку. — Печать уже распространилась по всему телу.

Я опустил взгляд.

— Знаю, — выдохнул я. — Роза почти опала... — я провел ладонью по лицу, стирая гримасу гнева, и взглянул на Хэвана. В его глазах промелькнула тень жалости, которую он тут же спрятал.

— Хорошо, — голос мой сел и стал хриплым. — Давай сделаем это. Зои!

Дверь распахнулась мгновенно, будто тролльчиха все это время подслушивала под дверью. Она вбежала, низко склонив голову, ее маленькие глазки блестели от усердия.

— Мой принц, — прошелестела она.

— Позови девчонку на ужин. — приказал я, чеканя каждое слово. — И переоденьте ее! От ее одежды смердит подземельем! Найдите что-то приличное.

— Слушаюсь, сэр. — Зои выскочила вон, шлепая босыми ногами по каменному полу.

Я подошел к высокому окну, уперся ладонями в холодный подоконник и посмотрел на сгущающиеся сумерки.

— У меня достаточно сил смотреть в лицо тьме и не поколебаться перед ней! — произнес я вслух, но эти слова предназначались не Хэвану.

Алиса

Серые стены комнаты плавно исчезали в темноте. Сидя на краю постели, я пальцами безучастно проводила по трещинам, плавно следя за их бесконечным петлянием. Вдалеке, за окном, ветер завывал особенно тоскливо. Мысли то и дело плыли к отцу, к Майклу, который, казалось, все больше утрачивался в потоке невероятных событий. Буря медленно, но неотвратимо нависала над головой. Почему папа позволил проиграть меня в карты? Почему я оказалась в Англии? Кто все эти люди вокруг? И, в конце концов, кто я?

Я сжала пальцы, впиваясь ногтями в ладонь. Боль помогала удержаться в реальности, не провалиться в липкую панику, что подступала к горлу каждый раз, когда я пыталась сложить разрозненные куски мозаики в единую картину. Гилберт. Эта фамилия преследовала меня, словно проклятие. Ею брезговала камеристка, её шептали слуги, её с ненавистью выплевывал Томас. Но почему? Что связывало меня с семьей, которую здесь, кажется, ненавидели до дрожи в руках?

Я перевела взгляд на свои ладони. Грязные, с обломанными ногтями после темницы, с ссадинами от веревок. Горькая усмешка тронула губы.

Внезапно дверь скрипнула, и в комнату вошла Зои. Тролльчиха замерла на пороге, окинув меня быстрым взглядом, и на ее лице расплылась широкая улыбка.

— Хозяин просит вас спуститься на ужин, мисс Гилберт. — последнее слово она выговорила с особым нажимом, точно проверяя мою реакцию. — Пожалуйста, время идет. Вам нужно намыться и надеть красивый наряд.

Я медленно подняла на нее взгляд, не меняя позы.

— Спасибо, Зои, я все еще ощущаю усталость. Я останусь здесь.

Голос звучал твердо, без всякой тени колебания. Внутри меня боролись страх и решимость, но я не позволяла дрожи прорваться наружу. Если здесь каждого проверяют на прочность, я не собиралась прогибаться первой.

Зои уставилась на меня с недоумением. Ее маленькие глазки округлились, а тёмные брови поползли вверх.

— Но, мисс, хозяин желает видеть вас. — повторила она, делая ударение на каждом слове. — Он очень... настойчив.

— Неужели? — я позволила себе холодную усмешку. — Совсем недавно он запретил выходить из этой комнаты. Скажи хозяину, что я останусь здесь! Пусть сначала определится: я его пленница или гостья. А потом уже приглашает на ужины.

Я встретила испуганный взгляд Зои. В ее глазах плескалось что-то похожее на страх — не передо мной, конечно, а перед тем, как воспримет её "доклад" хозяин замка. Она переминалась с ноги на ногу, явно не зная, как реагировать на такой дерзкий отказ.

Ничего страшного, пусть этот фанатик знает, что перед ним не просто очередная девушка, а серьезный соперник, способный найти ответы на самые сложные вопросы! Я выпрямила спину, и расправила плечи.

Зои медленно кивнула, точно понимая, что задачу не так-то просто выполнить.

— Хорошо, мисс, я передам ваше послание. — она развернулась и уже почти вышла, но возле двери задержалась. — Только... мисс, будьте осторожны. Хозяин не привык к отказам.

Она выскользнула за дверь, оставив меня в полумраке.

Я слегка улыбнулась, благодарная за понимание. И, вернув взгляд к трещинам на стенах, прикрыла глаза, прислушиваясь к биению собственного сердца. Оно стучало ровно, сильно. Значит, я все делаю правильно.

Томас

Я сидел за столом, взгляд растрёпанный нетерпением, пальцы стучали по деревянной поверхности в нервном ритме. Еда на тарелке была уже холодной, облака пара постепенно исчезали, оставляя лишь слабый след на поверхности стола. Я ждал девчонку, словно голодный волк, жаждущий свою добычу. Тиканье настенных часов засело в голове, и я непроизвольно принялся считать секунды.

Я представил, как она спускается по лестнице — в платье, которое ей подобрали, с чистыми волосами, с этим невозможным взглядом, которым она смотрит на меня исподлобья. И от этого внутри все переворачивалось.

Наконец, дверь распахнулась, и в комнату вошла... Зои? Её внезапное появление прервало мучительное ожидание. Я дернулся, всматриваясь в проем за ее спиной, но там было пусто.

— Где девчонка? – спросил я нетерпеливо, поднимаясь из-за стола.

— Выше высочество, сэр, понимаете, э... — Зои мялась, перебирая пальцами край фартука.

— Ну?! — я раздраженно раздул ноздри.

— Она... эта девушка... вообще-то... обстоятельства сложились так, что... — Зои сглотнула, — она не придет.

— Что?! — моё рычание эхом расползлось по замку.

Гнев вспыхнул в груди, и я бросился в сторону девичей комнаты.

— Ваша милость!

— Ваша светлость! Не горячитесь!

Остальные тролли бежали за мной, попутно уговаривая остановиться.

Я буквально подлетел к дверям и сильно стукнул.

— Почему ты отказалась ужинать со мной? Я велел тебе спуститься! — мой крик был настойчивым.

За дверью повисла тишина. На мгновение мне показалось, что там никого нет, что она сбежала, растворилась в тенях этого замка. Но затем раздался голос: холодный, ровный, без единой дрожи:

— Мне плевать на твое приглашение, я не голодна!

Гнев бурлил в груди, а затем всплеснул в волне ярости. Я размахнулся руками и снова ударил по дверям. Древесина треснула, в панели появилась щель.

— Ты выйдешь, или... или я сломаю дверь, а затем и твою шею! — прорычал я, чувствуя, как под кожей начинает пульсировать жар. Плохо. Очень плохо. Когда дракон просыпается, его трудно утихомирить.

— Хозяин, — начал Гордни, — пожалуйста, не забудьте о манерах. — Тролль свернулся в комочек.

— Но она такая... упрямая! — возразил я. — Этот замок — мой дом, а она ведет себя как...

— Как Эвери. — послышался мужской смех.

Я резко обернулся. Хэван стоял, прислонившись плечом к стене, и в глазах его плясали чертики. Он наслаждался этим представлением.

— Уйди, Хэван. — процедил я сквозь зубы.

— Чтобы ты испортил все с самого начала? — он не двинулся с места. — Томас, остынь.

— Девки до нее жили и в худших условиях! — рявкнул я, но уже тише.

— Девки до нее небыли нашим последним шансом! — напомнил Хэв, отделяясь от стены и приближаясь. — Вежливее, спокойнее. Ты же можешь, когда захочешь. Вспомни, как ты умеешь быть обаятельным, когда тебе что-то нужно.

Я набрал в легкие побольше воздуха, приблизился к двери, прижался лбом к теплому дереву, закрыл глаза. Голос, когда я заговорил, прозвучал на удивление ровно:

— Ты окажешь мне честь, если отужинаешь со мной. — осторожно сказал я, почти шепотом.

— Благодарю, но нет! — отрезала она.

— Или ты будешь есть со мной, или подохнешь с голоду! — гневно прорычал я. — Хэван, стой у дверей и следи, чтобы девчонка никуда не выходила!

Тролли и Хэв лишь покачали головой, но спорить не стали. Хэван переглянулся с Гордни, пожал плечами и занял пост у двери, скрестив руки на груди.

Я кинулся прочь из замка. Ноги сами несли меня по каменным коридорам, мимо испуганных слуг, прижимающихся к стенам, вниз по лестнице, к черному ходу, ведущему в ущелье. Воздух на улице ударил в лицо холодом, но моя кожа уже распалялась огнем изнутри. Дракон рвался наружу.

Алиса

Спустя пару часов я все же погрузилась в теплую ванну. Ноги и руки гудели, а раны необходимо было промыть хотя бы мылом. Коснувшись воды, я резко отдернула ногу.

— Ну же, Алиса, нужно помыться. — шипела я, стискивая зубы от боли.

Медленно выдыхая, я аккуратно погружалась в воду. Раны ныли и пульсировали, но я продолжала промывать каждую, пока кожа вокруг них не стала розовой и чистой.

Вдохнув аромат лаванды, расслабленно закрыла глаза. Напряжение покидало тело, как будто каждая капля смывала заботы и тревоги. Вода окружала, лаская кожу, словно теплое объятие.

Серебристый луч луны проник сквозь окно, освещая комнату нежным светом. Пар, поднимаясь пляшущими столбами, создавал завораживающий образ мистического рая. Сейчас можно не думать ни о чем. На секунду я даже забыла где нахожусь!

И тут я почувствовала, как смолкает благоухающий аромат. Голод начал медленно пробуждаться в животе.

Чёрт!

Я поднялась из ванны. Оглядевшись вокруг, не замечаю ничего похожего на полотенце.

— Ну... — я осторожно подошла к кровати и вытащила из-под одеяла простыню.

Обмотавшись белоснежным полотном, подошла к дверям.

— В этом замке должна быть кухня. — буркнула я.

Тихонько надавив на дверную ручку, вышла из своей комнаты.

В коридоре было намного прохладнее, чем в комнате. Я поёжилась. По рукам пробежали мурашки. Шаги звучали тихо, я осматривалась по сторонам, стараясь чаще задерживать дыхание.

Внезапно из тени вышел высокий мужчина, преградив путь. Я вздрогнула и отступила на шаг, вглядываясь в полумрак. Свет луны из ближайшего окна выхватил его лицо: точёные черты, спокойный взгляд, легкая усмешка на губах.

— Алиса, — его голос был мягким, вкрадчивым, — куда ты собралась? Ещё и в таком виде...

Он осмотрел меня с ног до головы и усмехнулся. Но я смотрела на него и не могла понять, откуда мне знакомы эти глаза, этот спокойный, вкрадчивый голос. А потом память подкинула

образ... Мелькающие тени, грубые руки, и среди них... он. Спокойный, отдающий приказы тихим голосом. Тот самый, кто руководил похищением.

Я сделала шаг вперед, забыв о приличиях и скомканной простыне.

— Я тебя знаю. Это ты меня похитил!

— Формально, возможно, так и было, но...

— Что ты здесь делаешь? — недовольно фыркнула я, всматриваясь в его лицо.

— Это мой дом. — мужчина пожал плечами. — Мне следовало бы запереть тебя обратно в комнату, но...

— Но? — шепнула я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Моя грудь приподнималась при каждом вздохе. Мокрые черные волосы струились по плечам, завиваясь на концах. Руки держали замотанную простыню, и в этот момент я заметила жадный взгляд Хэвана. Он скользил по мне, чуть задерживаясь почти на каждом сантиметре. Это было одновременно пугающе и... странно.

Мужчина подошел ближе, и его дыхание прошлось по оголенной ключице.

— Но я должен извиниться за свое неподобающее поведение. И за то, что так вышло с похищением. — Он криво усмехнулся. — Поверь, я не хотел, чтобы все закончилось темницей и грязью.

— Мне не нужны твои фальшивые извинения, и... и я хочу есть!

— Хозяин предлагал тебе ужин.

— Пусть твой хозяин идет к черту! — упс, это прозвучало довольно грубо.

На лице Хэвана мелькнуло что-то похожее на удивление, смешанное с уважением. Он медленно кивнул.

Я смотрела на него и не знала, что чувствовать. С одной стороны — он часть всего этого кошмара, с другой — в его голосе действительно не было жестокости, только какая-то усталая обреченность.

— Чего вы от меня хотите? — спросила я тише.

— Твоей помощи. Но об этом позже, идём, покажу кухню.

Он протянул руку, и я машинально шагнула к нему, но в этот момент наступила на край простыни. Мои пальцы, сжимавшие ткань, ослабли, и она скользнула вниз. Я предстала перед мужчиной полностью нагая.

Мы оба ахнули и одновременно наклонились за простынкой. Мои щеки вспыхнули огнем, руки тряслись, когда я пыталась прикрыться. Хэван замер, его взгляд на долю секунды задержался на мне.

— Что здесь происходит?! — зверский голос разнесся по коридору.

Я застыла, затем медленно подняла глаза. Томас стоял в конце коридора, и даже в полумраке было видно, как побелело его лицо. Я стояла нагая перед его высочеством, прижимая к груди скомканную простыню. Он смотрел на нас звериным взглядом, в котором металась ярость.

— Что. Здесь. Происходит! — криком повторил он, делая шаг вперед. Каждый его шаг отдавался гулким эхом, и мне казалось, что сам замок содрогается от его гнева.

— Томас, я... — запнулся Хэван. Слова не шли, застряв в горле. Впервые я видела его растерянным.

— Я захотела есть! — взяв себя в руки, отчеканила я, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал. Замоталась в простыню так крепко, будто она могла защитить меня от надвигающейся бури.

— Мне плевать на твои желания! — голос Томаса звучал жутко.

Его изящные руки сжимались в кулаки. Я понимала, что он еле сдерживается. Внутри что-то оборвалось, и смелость, которая только что помогала мне держаться, уступила место липкому, всепоглощающему страху.

Переборов дрожь во всем теле, сглатываю, сжав запотевшие ладони. Простыня под пальцами намокла от пота.

— Кажется, я велел следить за ней, а что делаешь ты?! — Том покосился на Хэвана.

Хэван стоял на месте, как вкопанный, продолжая молчать.

— А ты! — Томас почти подлетел ко мне, схватил за плечи и вжал мое тело в ближайшую стену. Камень холодил спину даже сквозь простыню. — Не смей вести себя как она!

— Кто она? — дрожащим голосом уточнила я, чувствуя его горячее дыхание на своем лице. Между нами было всего несколько сантиметров, и я видела каждую эмоцию, отражающуюся в его глазах.

Но Томас ничего не ответил. Его лицо исказилось гримасой, и он лишь прорычал что-то нечленораздельное, звериное.

— Томас, остановись! — крикнул Хэван, делая шаг к нам. — Ты ее покалечишь!

Последнее, что помню: тяжелая рука, занесенная для удара, и ослепительная вспышка боли в голове. А затем — темнота. Густая, вязкая, поглотившая все: страх, холод каменной стены, крики Хэвана и бешеный стук моего собственного сердца.

Сквозь помутненное сознание доносится звонкий крик. Резко дергаюсь, получив глоток воздуха, и лишь после могу разобрать слова.

— Простите, ваше высочество!

Это были тролли. Видимо Томас все таки наказал их за мой самовольный уход из комнаты.

Голова болит, виски стучат, а шея неимоверно ноет и, хоть я не хочу показывать, что уже пришла в себя, но вырвавшийся полустон-полувсхлип меня выдал. Я не могу найти в себе силы, чтобы встать с пола или просто поднять голову. Обращаю внимание, что простынь завязана узлом чуть выше груди. Ладно, еще не так позорно.

Скулю, стиснув зубы, когда на руках и ногах начинают ныть старые раны. Болит спина. Шумно втягиваю воздух, поджимаю губу, почувствовав боль в груди, когда попыталась сделать глубокий вдох.

По полу послышались тяжелые шаги. Они приблизились, и вот я уже лежу под ногами чертового Томаса Рида!

— Посмотри на меня, — тихо сказал он.

Тело предательски дрогнуло, когда пальцы его высочества коснулись моего подбородка, потянув вверх, заставляя выровнять спину, плечи и смотреть на него.

Взгляд пронзительных желтых глаз заставил шумно выдохнуть. Глаза хищника. Непобедимого зверя. Взгляд внимательный, прожигающий. Он изучает меня так же, как и я его.

— Мой принц, Феникс покинул Хоэрт минуту назад. Доложить вам о его возвращении? — незнакомый мужской голос за моей спиной казался таким неестественным, неправильным.

Как и эти желтые глаза. Невозможные. Нечеловеческие.

Лишь на мгновение его высочество прервал наш зрительный контакт — отвел взгляд на мужчину за моей спиной. Коротко кивнул и вновь обратил свое внимание на меня.

— Надеюсь, ты понимаешь, какую ошибку допустила?

Реальность медленно, словно с неохотой, проникала в сознание. Под ногами снова холодил каменный пол темницы.

— Нет, пожалуйста, только ни сюда! — Истерический крик вырвался сквозь боль.

Но Томас лишь тряхнул меня.

— Убегающую собаку принято держать на цепи, — шипел он.

На моих запястьях защелкнулись стальные оковы.

Томас резко распахнул дверь и с силой втолкнул меня в темное помещение. Громкий хлопок за спиной ясно дал понять — меня снова заперли. Нос мгновенно заполнил не просто дурной запах, а невыносимая вонь!

— Ох, — выпрямившись, я прижалась спиной к каменной стене.

Судя по размеру и вопиюще тошнотворному запаху — это не моя прошлая камера.

Откуда такая вонь?

Я наугад шагнула вперед и, споткнувшись о что-то большое и тяжелое, упала. Готовясь к удару о жесткий каменный пол, прикрыла глаза, но вместо этого я приземлилась на что-то мягкое. Открыв глаза и привыкая к полумраку, я окинула взглядом помещение, и с визгами вскочила на ноги, бросившись к дверям.

Всю камеру сплошным слоем устилали мертвецы: звериные туши в хаотичном месиве с человеческими останками! Разлагающиеся, с проваленными глазницами, с головами, держащимися на лоскутах кожи...

Я кричала о помощи уже несколько часов.

Бесполезно... Горло саднило от надрыва и вынужденного дыхания ртом. Нестерпимо хотелось пить... Омерзительная вонь резала нос и вызывала сильную тошноту. Тяжелые кандалы с цепью больно оттягивали руки, голова раскалывалась от наплывающей боли.

Я прижалась лбом к прохладному камню, стараясь дышать не так часто. Мокрые от пота и слез черные пряди волос липли к лицу. Мне начало казаться, что смрад и трупная слизь покрыли уже и мою кожу, словно гниение мертвецов грозилось поглотить и превратить в один из разлагающихся трупов.

За спиной раздался шорох. Я резко развернулась, шаря по горам тел безумным взглядом и тихо молясь про себя, чтобы эти покойники действительно были мертвыми...

Черт знает, чего ожидать от этого замка...

Вдруг голова одного из трупов кубарем покатилась прямо к моим ногам! Полусгнившую плоть облепили черви, а глаз вывалился из глазницы и откатился еще ближе ко мне. От увиденного я едва ли удерживалась на ногах. Буквально через пару секунд сознание помутнело, перед глазами все поплыло и я рухнула в обморок.

Холодно...

Холодно и сыро. А ещё сумасводящий смрад!

Хотелось заорать, но в горле словно застряли стеклянные осколки. Теперь я ничем не отличаюсь от этих трупов. Разве что все еще дышу. Стены давят, лишая свободы и света. Лежа на холодном полу, чувствовала, как влажный холод проникает сквозь кожу, пробираясь до самых костей. Тело было жестким от долгих часов неподвижности, а мысли беспорядочно кружились в измученном разуме...

Я пыталась уйти от реальности, но вместо утешения лишь заметила, как

дыхание стало неровным, как будто воздух внезапно сделался слишком плотным. Страх охватил с новой силой, заставляя сердце бешено биться в унисон со стуком дождя за стенами темницы.

Казалось, что время застыло. Замерло на месте и лежит неподвижно среди всех этих трупов.

Не открывая глаз, я попыталась приложить ладонь к гудящей голове, но руки не слушались. А еще этот звон цепей, такой противный, лязгающий...

Цепи?

Глаза распахнулись и тут же зажмурились — ламповый свет показался нестерпимо ярким.

Я сидела под душем на холодном мраморном полу, прижавшись спиной к стене и вытянув ноги.

Значит, это вовсе не звук дождя...

Когда-то белоснежная простынь была перепачкана пылью, кровью, и противно липла к телу. Кожа рук напоминала одну сплошную рану, которая начинала ныть от малейшего движения.

Я чуть запрокинула голову, чтобы струи прохладной воды попадали на лицо.

— Очнулась?

Напротив меня, скрестив руки на обнаженной груди, стоял тот самый монстр — хозяин замка Томас Рид.

Я тут же обратила внимание на стройное тело парня: его неестественно бледная кожа, на которой красуется мозаика извилистых черных татуировок и неповторимых шрамов, манили взгляд.

Изогнутые линии рисунков плавно переходили друг в друга.

Я слегка закусила нижнюю губу. Его высочество — не стандарт красоты, он уникален и неповторим! Его тело прямо кричит о том, что красота в разнообразии, в индивидуальности. Его обнаженное тело — произведение искусства, которое можно изучать и восхищаться бесконечно...

— Ты что, мазохистка? — Томас прервал мои мысли. — Или я не рассчитал силу удара по голове ночью?

— Похоже у меня ярко выражается Стокгольмский синдром, — прохрипела я в ответ.

Томас рыкнул и рывком вытащил меня из душа. Я лишь тихо простонала от ноющей боли во всем теле.

Чудом не ударившись о изголовье кровати, я приземлилась четко по центру. Томас навис надо мной, словно коршун над добычей. Но, собственно, кем я еще сейчас была?

Сильные мужские руки легли по обе стороны от головы, отрезая пути к бегству. Да и был ли смысл бежать?

— Полагаю, ты осознала свое неправильное поведение.

Я рывком кивнула.

— Умница. — Его губы скривились в ухмылке. — Такая нежная, — он коснулся своими губами моих, — и так чертовски похожа на нее.

В этот момент я возненавидела свое тело: оно предательски остро реагировало на его высочество.

— А впрочем, хоть внешние сходства у вас имеются, ты не такая лживая и расчетливая стерва. Ты, скорее, как ее лучшая сторона. Дерзкая, своенравная, но это даже заводит!

— О ком вы все говорите?

— Ш-ш-ш, — Том тепло улыбается, нежно поглаживая мою щеку.

И я не могу понять, как у него получается быть таким?

Свободной рукой он обвивает мою талию и прижимает к себе, заставив все тело покрыться дрожью. В попытке что-то возразить открываю рот и даю ему возможность полностью завладеть им, скользнуть языком в меня. Его поцелуй жгучий, голодный, и я понимаю, что теперь тоже хочу этого.

Наконец мокрая простынь слетела на пол, полностью оголив мое тело.

— Полюбуйся, какая ты красавица!

Томас поглаживает своими длинными пальцами мое напряженное тело. Я прикрыла глаза и сжала зубы, почувствовав обволакивающее густое тепло, которое проникло в грудную клетку. Не открывая глаз, прислушиваюсь к своему телу. Не болит? Боже, больше ничего не болит!

Открываю резко глаза и встречаюсь с желтыми омутами его высочества. Замечаю ухмылку на его лице.

— Спокойной ночи, — буркнул Томас и направился к выходу.

— Что?! Но... это ведь даже не моя комната!

— Я знаю, — тихо ответил он, — это моя.

От лица Томаса Рида

В глубоком полумраке замковой темноты Хэван напряженно опускал глаза, переводя дыхание, пытаясь собрать разбросанные мысли. Волнение десницы глушило шорох пылающего камина. Я сидел напротив него, держа в руках бокал ароматного бренди. Мои глаза сверкали во тьме, словно угли. Нет, это были глаза дракона, который в ярости просился наружу.

— Я... Я искренне сожалею, ваше высочество, — вздохнул Хэван, его голос был слабым шепотом в тишине, который, тем не менее, отчетливо резанул слух. — Я не мог знать, что девчонка решит уйти.

Я нахмурил брови, ответив лишь холодным взглядом. Бренди обожгло горло, но не принесло облегчения.

— Ты принимаешь слишком много на себя, Томас, — продолжал Хэв. — Ты запер её там, как какую-то преступницу, а теперь еще и меня обвиняешь?

— А разве она не преступница? — сердце сжалось от непонимания, что друг не видит очевидного. — Разве не из-за её прабабки началось все это дерьмо?!

— Да, но Алиса не должна расплачиваться за грехи Эвери! Она же абсолютно другой человек!

— Плевать! — рявкнул я, подаваясь вперед. Край кресла больно впился в ладонь. — Никому из этой семейки не будут рады во дворце Рид! И то, что ты потакаешь ей, Хэван, говорит лишь об одном... — я резко замолчал, проглотив конец фразы.

Хэв укоризненно уставился мне в глаза, не отводя взгляда:

— Что ты хочешь этим сказать?

Сейчас в моих глазах отражалось что-то иное, что Хэван не мог однозначно определить — ревность, обида... Я чувствовал, как кровь приливает к лицу.

— Ты подумал, что...

— Неважно что я подумал! — спокойный голос сменился криком. — Что произошло на самом деле, а? Почему девчонка стояла перед тобой совершенно нагая?!

Жилка на виске Хэвана дернулась.

— Она тоже вызвала в тебе эти чувства. — прошептал Хэв. — Ты тоже не знаешь куда себя деть.

Я нервно закатил глаза и усмехнулся:

— Не приравнивай меня к себе! — фыркнул, вновь высокомерно поднимая брови. — Девчонку следует проучить, — прошипел, мой голос звучал колюче и холодно.

— Не говори так, Томас! — Хэван всплеснул руками. — Она ни в чем не виновата. — его слова были как удар хлыстом о мраморный пол.

Я поднялся со скрипом старого кресла:

— Хватит! В этом замке лишь я хозяин и лишь я решаю, кто и что заслуживает! Девчонка не станет второй Эвери Гилберт! После обряда ты унесешь её тело подальше от замка.

— Тело? — насторожился Хэван.

— Я перечитал свиток. Сомневаюсь, что девка сможет прожить без сердца.

— Да, это в твоем стиле: пожертвовать чужой жизнью ради собственной шкуры!

— А разве ты поступал иначе? — моя насмешка окончательно вывела Хэвана из тебя.

— Тебе всего-то и надо было сделать то, чего просил Маркус, — шипел Хэв, — но теперь из-за твоей гордости страдают другие!

Хэван развернулся в сторону входной двери.

— Уверен, что на землях вокруг нашего замка появились оборотни, и это твоя работа — найти их и уничтожить. Да, это приказ! — игнорируя слова друга, отчеканил я.

С горящими глазами Хэван кивнул:

— Как прикажешь, мой господин. — прошипел он.

Дверь за ним захлопнулась, и в комнате снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском дров в камине. Вот и всё.

Девчонка заперта в темнице. Посажена на цепь, как дворовая псина! Надеюсь, она оценит тот «сюрприз», что мои слуги приготовили по моему приказу.

А вот и первый визг!

Especially for you, сучка! Этот метод воспитания быстро сделает из тебя покладистую.

Я рассмеялся. Девчонка была копией Эвери, поэтому, до красной луны, ее ждет калейдоскоп ощущений!

Вдруг за спиной послышались шептания. Я обернулся и заметил троллей.

— Какого хрена?

— Ваше высочество, сэр, мы...

— Мы хотели лишь...

— Мы хотели сказать, что девушка не заслужила подобного отношения. Вспомните, как вы не раз говорили: «Быть мужчиной — значит иметь сдержанность». Сколько раз вы защищали миссис Гилберт от ее мужа...

Я недовольно хмыкнул:

— Защищал... И чем она мне отплатила?!

От моего яростного крика все тролли свернулись в комочки. Кроме одного...

— Позволю заметить, сэр, что в обряде есть ещё один способ избавиться от проклятия. — уверенно заявила Зои.

— Да как ты смеешь возражать?! — я недовольно корчил лицо.

— При всем уважении к вашему высочеству, мне уже нечего терять.

— Зои, что ты делаешь... замолчи! — одергивал трольльчиху главный.

— Нет, Нику, моя жизнь, если это вообще можно так назвать, все равно в полном дерьме! Сколько можно молчать? — она повернулась и уставилась на меня. — Ваше высочество, вам нужно решить эту проблему так, как советовала Эвери с самого начала. Оттого, что вы будете вырезать сердца дев, проклятье не спадет! Сколько уже загублено жизней? Времени совсем не осталось, а результатов нет.

— Потому что это все было не то! — возразил я.

— Даже прошлые девушки из рода Гилберт? Да, вы наделали много ошибок, но сейчас эта девушка нужна всем нам! Посмотрите на меня... а мой сын... он уже столетие просто дворовая статуя! А вы, ваше высочество, внутренний зверь все чаще появляется. В конце концов он убьет вас, а затем и всех нас. В свое время Эвери Гилберт сделала невозможное — вы научились делать добро и любить кого-то кроме себя.

Я зарычал от воспоминаний. Мое сердце пропустило удар от слов трольльчихи.

— Пожалуйста, позвольте себе снова познать любовь, ведь если девушка ответит вам взаимностью до того, как последний лепесток розы коснется земли, мы все будем спасены! — закончила Зои.

— Предлагаешь мне полюбить её? — глаза сверкнули.

— Вы уже неровно дышите к ней, — усмехнулся Гордни. — От ненависти до любви...

Тролли окружили меня. В их глазах горела надежда.

— Всё это сложно, — выдохнул, — Эвери сделала слишком больно.

— Вы найдете в себе силы простить, ведь ваше высочество очень сильное! — тролли облепили меня со всех сторон и обняли.

— Да ну что это такое! — я вскочил на ноги. — Терпеть не могу нежности. Уходите!

Слуги откланялись и вышли из комнаты.

Блять!

Я не находил себе места. Мерил шагами комнату, но это не помогало. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Мысли путались, наскакивали одна на другую, и в этой каше нельзя было ухватить ни одной цельной. Голова раскалывалась от напряжения.

Алиса. Гилберт. Я пробовал на вкус каждую букву херового имени. Чёрт! Маленькая стерва!

Она херова загадка, зашифрованная в головоломке, которую мне не понять. Почему её фамилия Брайт? Почему компас указал на нее? Почему меня тянет к ней? Почему она так похожа на Эвери..?

В какой-то момент поймал себя на расхождениях: с одной стороны, в девчонке нет абсолютно ничего особенного. Мягкие черты лица и благородная осанкой, обычные карие глаза. ...или красивые карие глаза? Блять! Но еще я видел в ней что-то... таинственную чародейку, которая манила в свой плен, играя моими эмоциями так ловко. Я ненавидел себя за свою слабость, за то, что не мог ни отпустить её из своих мыслей, ни запереть внутри. Ощущал, как внутренний бой разрывал меня на части: ненависть и страсть, ревность и обида, желание и самозащита. Я увидел лицо одинокого и растерянного человека. Глаза покраснели, под ними залегли тени.

Как же я устал!

Вздохнул. Дыхание было тяжелым, как цепь на шее. Или как те цепи, что я надел девчонке на запястья. Звон металла все еще стоял в ушах.

Знаю, что должен сделать выбор, но каменная стена в сердце не давала выбраться из лабиринта своих собственных чувств. Каждое решение будет иметь свою цену...

А что если тролльчиха права?

Из темницы слышались вопли и всхлипывания. Алиса просила помощи.

Да пошло оно всё!

Я рванул в подземелье.

Глава 5. Когда просыпаются монстры

Ночь превратилась в бесконечную череду кошмаров. Я ворочалась, задыхалась, пыталась проснуться — бесполезно. Страх вцепился мертвой хваткой и не отпускал. Мне снился голос: женский, вроде даже знакомый, он повторял одно и то же:

— Осторожнее с драконом, Алиса... Будь осторожна...

Я открывала рот, чтобы задать голосу вопрос, но слова застревали в горле, превращаясь в невнятные шепотки.

Внезапно резкое прикосновение к телу заставило дернуться. Открывая глаза наискось, словно боясь найти во тьме что-то страшное, мое сердце бешено колотилось в унисон с нервным дрожанием рук. В затемненной комнате я различала силуэт спящего Томаса. Его грудь плавно поднималась и опускалась в такт мирному сну. Его черты утопали в тени, а растрепанные чёрные волосы беспечно разбросались по подушке. Его рука лежала на моем бедре. Я замерла, пораженная великолепием момента.

Что за хрень?

Слабый свет от факела проникал сквозь прозрачный балдахин, окутывая Томаса мягким сиянием. Почему не могу оторвать взгляда? Я буквально впитывала каждую деталь его лица!

Томас почувствовал, как на него пристально смотрят, и это заставило его бесшумно открыть глаза. Он увидел меня и, нахмурив брови, непонимающе мотнул головой.

— Почему ты не спишь? — голос спокойный, тихий и... сонный.

— Мне приснился кошмар... — руки все еще дрожали, словно пытаясь сорвать с себя оковы. — Странный женский голос. Он звучал так близко, прямо над ухом. Призывал быть осторожнее с... драконом?

Томас молча внимал рассказу, его лицо отражало смешанные чувства. Секунды тянулись медленно, ожидая хоть какого-то ответа.

Наконец, он заговорил:

— Давно ты слышишь её?

— Кто она?

— Ты не ответила на вопрос! — строго обозначил Томас.

— Но ты ведь на мои не отвечаешь! — я скрестила руки на груди. — Ещё и запер в этом жутком подвале. Так и знала, что ты маньяк. А твои прихвостни — обычные чокнутые сектанты!

— Если я маньяк, чего же ты тогда любовалась мною пару минут назад? Ещё и спишь в моей постели, — Томас усмешливо вскинул бровь.

— В нашу первую встречу ты проник в мою голову и сказал, что лишён привилегии на сон. Я смотрела и пыталась понять — ты умер, или притворяешься спящим, чтобы подловить нужный момент и вскрыть мне горло, — смело высказалась. — А сплю здесь лишь потому, что ты сам притащил меня сюда.

Шумно выдыхаю, предавшись тяжелым мыслям. Смотрю в его глаза и понимаю, что нужно бежать. Бежать от него как можно дальше! Найти кого-нибудь, кто смог бы помочь вернуться домой...

— Почему ты изменил своё отношение ко мне? Почему решил забрать из темницы? — голос звучал испуганно.

Томас поднялся на локте. Его взгляд встретился с моим.

— А ты хочешь обратно? И кстати, ты так и не ответила на мой вопрос.

— Почувствуешь какого это! — я фыркнула.

Его высочество раздосадовано выдохнул.

— О, Мерлин, дай мне сил с этой девчонкой...

— Пф, так уже никто не говорит, — усмехаюсь. — Обратно я не хочу. Но все таки... почему?

— Я так захотел, ясно? И если ты спросишь почему, клянусь — немедленно отправишься в свою комнату!

— То есть ты как будто бы делаешь одолжение, оставляя меня в своей постели? — я даже раскрыла рот от подобной наглости.

Томас кротко кивнул:

— Скоро ты поймешь, что ночи, проведенные со мной, будут лучшими в твоей жизни. — Вполне серьезно заявил он. — И, если будешь вести себя хорошо, я буду позволять тебе оставаться рядом чаще.

— Весьма самонадеянно, ваше высочество.

Он молчал.

— Так, и..? — прерываю тишину.

Томас дернул уголком рта. Не усмешка — так, тень.

— Если б я хотел тебя прирезать, сделал бы это ещё в темнице.

— Тогда почему ты лежал с закрытыми глазами?

— Тебе не все равно? — бросил он.

— Мне интересно.

— А мне плевать, что тебе интересно.

Я смотрела в его глаза: жёлтые отсветы плясали в зрачках, и взгляд был тяжелый, злой.

— Ты не ответил, — не унималась я.

Томас громко вздохнул и резко уставился точно мне в глаза.

— Потому что не обязан перед тобой отчитываться, ясно?

Я хмыкнула.

— Значит, просто лежал. С закрытыми глазами, ровно дышал, притворяясь спящим без причины.

— Алиса.

— Что?

— Заткнись.

Я закатила глаза, но спорить не стала. Только отметила про себя: он не объяснил, потому что не знает, что сказать. Или не хочет признавать, что причина вообще есть.

Томас откинул одеяло, вставая с кровати.

— Слушай, мне нужны ответы, — прохрипела.

Он поднял брови, изучая выражение моего лица, словно сам не понимал и чём я говорю.

— Моя дорогая, ты должна понимать, что здесь все не всегда такое, каким кажется.

— Кажется? Тролли, Томас! Тролли! И ты мне говоришь, что это не так уж и странно? — с губ слетел нервный смешок. — Эта загадочная Гилберт, которую все кажется настолько хорошо знают, кроме меня! И какого-то хера неизвестная фамилия стала частью меня! Откуда эти трупы в темнице? Кто такой Хэван? Кто ты?

Томас хмуро посмотрел на огонь, ласково пламенеющий в камине, выискивая в нем ответы на вопросы.

— Алиса, я не могу рассказать тебе всё сразу. Есть вещи, о которых тебе лучше не знать, — рыкнул он. — И я советую тебе меня не выводить!

— Почему я должна жить в этом?

— Потому что ответы могут быть опаснее вопросов, которые ты задаёшь! — Томас сорвался на крик.

Его глаза засияли желтым цветом, а сам он согнулся со стоном на полу.

— Уходи отсюда! Прочь! — нечеловеческий, холоднее стали голос, вырвался из уст его высочества.

Жар охватил меня, что-то внутри кричало: «Спасайся!».

Я спрыгнула на пол, прошмыгнула к дверям и, не оборачиваясь, побежала по лестнице вниз. Сломя голову я стремительно спускалась к выходу.

«Бежать! Бежать как можно дальше! Сейчас или никогда!»

Я сдернула с окна пыльную штору и накинула на полуголое тело, почти как накидку. Только сейчас, чуть отдышавшись, я заметила на себе одну лишь короткую сорочку.

— Чудно! — вырвалось со стоном.

Продолжая бежать к выходу, через раз я слышала с верхних этажей зверское рычание.

Сердце бешено колотилось, дыхание жгло глотку. В ушах ультразвук смешался со звериным ревом, кажется, уже догоняющим меня.

По пути мне встретились тролли, умоляющие остаться в замке.

— Мисс, пожалуйста..!

— Постойте, мисс!

Я проигнорировала маленьких слуг и подбежала к выходу, глотая собственные слезы. Дверь распахнулась и в помещение ворвался морозный ветер.

Всего на мгновение мне почудилось: «Может, не стоит..?».

— Нет, я больше ни секунды не останусь в этом чёртовом месте! — прокричала и выбежала прочь из замка.

Тёмные тени вздымались впереди, как призраки глубокой ночи.

Я бежала сквозь зловещий лес, босиком, чувствуя подошвой ног болезненно паршивый снег! Ступни кололо холодом, ветер истязал лицо, вырывая пряди волос. Я уже не чувствовала пальцев рук и ног.

«О чём ты думала, когда выбегала на улицу без обуви?!»

Но останавливаться было нельзя.

«Беги!»

Луна, полная и яркая, светила прямо над вершинами деревьев, бросая световые блики на снежное покрывало. Благодаря её свету я хотя бы могла видеть свой путь.

Вдруг жуткий вой пронзил ночное пространство, заставив сердце замереть в ужасе.

— Неужели этот зверь нашел меня? Неужели догнал?!

Вой раздался снова. Только он точно был не одиночный.

Я резко обернулась.

Из-за деревьев, ломая подлесок, вырвались *они:*волки, но только они совсем не были похожи на обычных.

Первый был огромен — в холке точно выше человеческого роста. Чёрная шерсть стояла дыбом на загривке, а глаза горели мертвенным зелёным светом. Морда была длиннее, чем у обычного волка, почти вытянутая в человеческом оскале, и в этом оскале блестели клыки — каждый с мой палец. Грудь широкая, мощная, покрытая шрамами. Он бежал на двух лапах? Или на четырех? В полумраке я не могла разобрать, его силуэт словно перетекал из одного состояния в другое.

Рядом с ним неслись остальные — крупные, серые, с поджарыми боками. Но их глаза тоже горели голодом. Они выли, неслись сквозь заснеженные дебри, их тела мелькали между стволами, окружая меня.

Новая порция адреналина заставила бежать быстрее прежнего.

Я почувствовала, как они приближались, их дыхание почти касалось шеи. Страх овладел разумом, но я бежала, спотыкаясь, падая, поднимаясь снова.

Рывок, и их атака оторвала кусок самодельного плаща из шторы. Я взвизгнула, прибавляя скорости. Несмотря на то, что они уже догнали меня, с нападением медлили. Играли. Сейчас я их игрушка, почти загнанная в угол.

Ноги подкашивались. Я еле держалась на них, каждый вдох давался с трудом, лёгкие будто схватило ледяными тисками. Перед глазами плыло от усталости, тело трясло мелкой дрожью, которая уже не согревала, а только выматывала остатки сил. Я рухнула, ударившись щекой о лёд, и в этот момент я почувствовала укус. Острая боль впилась в ногу чуть выше щиколотки — кто-то из волков успел достать меня. Челюсти сомкнулись на мгновение, рванули, и я закричала. Боль была чудовищной: горячая, пульсирующая, она разрывала плоть изнутри, смешиваясь с яростным холодом. Я чувствовала, как кровь толчками выходит из раны, окрашивая снег вокруг.

Но в следующем моменте земля провалилась, и я погрузилась в стужу ледяного ада. Вода обдала меня, заставляя легкие сжиматься от ужаса!

Я барахталась, отчаянно цепляясь за куски льда, но они отламывались, врезаясь в ладони острыми краями. Холод окончательно сковал тело. Я перестала чувствовать ноги, потом руки. Перед глазами все плыло, но сквозь мутную пелену я видела свою левую ногу — рваная рана выше щиколотки, темная кровь, смешанная с водой, медленно поднимающаяся к поверхности.

Больше не могу бороться...

Сознание тонуло вместе со мной, и вот уже я не слышу воя или завывания ветра, лишь медленное биение своего сердца.

Тук... вдох... Тук... выдох... Тук... т-ук... т... Выдох…

Я с трудом приоткрыла глаза. Изображение плыло, а тело все еще знобило.

Сквозь помутненное сознание слышала голоса, только не могла разобрать и слова. Ясно точно — два мужчины спорили между собой в отдаленном углу комнаты. Я напрягла слух и узнала в одном из мужчин Томаса, а вот голос второго слышала впервые. Можно сказать, что этот голос напоминал звук скрежета стали, противный, чужой, холодный...

Попыталась бесшумно перевернуться на спину, но внутри что-то словно хрустнуло и я взвизгнула от боли!

Услышав меня, мужчины резко замолчали. Встретив взгляд Томаса, стоящего возле камина, поджала губы и часто заморгала.

— Продолжим разговор завтра. Ступай. — рыкнул Томас на темную тень мужчины.

Я сжалась в постели, испуганно встречая его полный гнева взгляд, и сердце замерло, предвидя надвигающийся грозовой разговор.

— И чем ты только думала? — прошипел он. Волосы волнами падали на его мрачное лицо. — Если бы не я, ты бы погибла в том проклятом озере! Ты не представляешь, какая опасность тебе грозила!

Я поникла. Меня отчитывали как какую-то школьницу! Но почему-то сейчас чувствовала тяжесть своего ошибочного поступка.

Томас отвернулся. Его пальцы судорожно стучали о перила камина.

— Ты глупая, совершенно безрассудная! Ты не понимаешь всей серьезности ситуации, в которой мы находимся! — сквозь сжатые от злости зубы пробурчал он. — Я не дам тебе умереть здесь. Никогда. Ты поняла?

Может быть от меня требуется ответ, да только боль где-то глубоко в груди не давала шанса даже кивнуть. Все тело ныло, снова.

— Ты поняла?! — более грубо переспросил Томас, приблизившись к кровати.

Я подняла глаза, и вдруг заметила на его плече глубокую рану, ещё сверкающую каплей крови. Укол вины моментально пронзил грудь. Я сморщилась и отвернула голову.

— Что, не нравится? — усмехнулся Том.

В этот момент он резко ухватил меня под локоть и повернул к себе. Я снова пискнула от боли.

— Вот это, — он прижал мою ладонь к своей кровоточащей ране, — произошло из-за тебя! Чувствуешь? Эта кровь на твоей совести.

Теплая бордовая дорожка коснулась тонких пальцев, и я отдернула руку.

— Чего ты добиваешься? — взмолилась я хриплым голосом. — Ты сам велел мне убираться!

— Из комнаты, а не из замка! Ты хоть понимаешь, что это были не просто волки?

Глаза забегали в непонимании.

— А.. — сглотнула, — а кто? — не уверена, что вообще хочу знать ответ.

— Оборотни. — Томас тяжело вздохнул.

— Оборотней не существует, — изо рта вырвался нервный смешок. — Это миф.

— Троллей тоже не существует, но однако парочка из них заботливо сейчас готовит тебе отвар, чтобы срастить ребра и затянуть рану на ноге.

— Срастить ребра? Рана на ноге? — я дёрнулась, пытаясь посмотреть на свою левую щиколотку. Под одеялом нога была замотана в чистые бинты, сквозь которые не проступало крови. Но память услужливо подкинула картинку: рваная рана, темная кровь в воде, горячая боль. — Меня укусили...

— Да. — Томас помрачнел. — Укусили.

— И что теперь? — прошептала я, чувствуя, как внутри разрастается холодный комок страха.

Томас молчал долго. Слишком долго.

— Посмотрим, — наконец ответил он. — Не все укусы оборотней смертельны. И не все обращают. Но тебе нужно беречь силы.

— Мы что во Вселенной Гарри Поттера? — нервно усмехнулась я, пытаясь шуткой разрядить обстановку.

Томас покосился на меня с недоверием.

— О чем ты опять болтаешь?

— А.. а что случилось с.. ними..? С оборотнями? — я перевела тему.

— Я убил вожака. Остальные разбежались. — Томас коснулся своей раны на плече. — Не без последствий, как видишь.

Я прищурилась, рассматривая его. Под глазами залегли тени, движения были медленными, словно каждое давалось с трудом.

— Ты спас меня, — тихо сказала я.

Томас хмыкнул и зашагал в сторону выхода.

— Эй, куда ты пошел?

— Ты наказана. — вполне серьезно сказал Томас, даже не оборачиваясь.

— Что? Ты шутишь?!

— Я похож на шута? — рычит.

Он вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Я лежала на мягкой постели, в ночной тишине, на грани бодрствования и сна. Ум кружился от неожиданных открытий, что мифы и легенды становятся живыми в этом замке, что оборотни действительно скрываются в тёмных углах ночи.

«А если оборотни существуют, то, может быть, и другие монстры, поджидающие в тени, тоже реальны?»

— Наверняка Томаса ранил один из этих зверей. — бормочу вслух.

Смешанные чувства к Томасу разрывали на части! В его гневных глазах виделась забота, его слова несли в себе загадочную теплоту, которой мне так не хватало. Но его скрытые секреты, его поведение — отталкивали, держа на расстоянии.

Боли в ребрах и пульсация в укушенной ноге напоминали о рискованном и, похоже что глупом побеге в ночь. Сжимаю руки в кулаки, словно пытаясь выбить из себя страх и боль. Бесполезно. Лишь жалкий вскрик выдавливаю изо рта вместе с раздосадованным стоном.

Скорее бы тролли принесли долгожданный отвар, который поможет забыть о боли...

Спать. Как хочу спать...

Засыпая в истерической изнеможенности, с трудом закрыла глаза, тщетно пытаясь изгнать беспокойные мысли, что происходят со мной в этом мрачном замке, где тролли становились компаньонами, а оборотни рыщут в ночном лесу.

Я осторожно повернулась на бок, стараясь обнять свою кошмарную действительность в объятьях.

Нужно поспать и все пройдет.

Тяжесть в теле тянула вниз, веки слипались сами собой. Я провалилась в сон быстро. Сначала была просто темнота. Потом — дыхание, тяжелое, хриплое, со всех сторон сразу. Я стояла в лесу. Тот же лес, где меня гнали волки, я чувствовала кожей их голодные взгляды. Из-за деревьев начали выступать тени, медленно, одна за другой. Злые пасти, горящие глаза, оскаленные клыки. Они приближались бесшумно, окружали, сжимали кольцо. Я хотела бежать, но ноги увязли в снегу по колено, не двигались, будто кто-то держал.

И тогда я услышала голос, тот же женский голос: тихий, но чёткий, он пробивался сквозь вой ветра, сквозь рычание волков.

— Сюда... Иди сюда...

Я повернула голову. Вдалеке, среди деревьев, мерцал слабый свет. Тёплый, живой. Голос шёл оттуда.

Волки замерли. Не нападали, просто смотрели, скалились, но не двигались. Будто ждали, что я выберу.

— Иди ко мне... — звал голос. Ближе. Ещё ближе.

Я сделала шаг. Потом другой. Свет разрастался, заливал лес, пробивался сквозь ветви, слепил глаза...

Я дернулась, распахнула глаза. Солнце било в окно, заливая комнату золотистым светом. Сердце колотилось где-то в горле, грудь тяжело вздымалась.

— Мисс Гилберт, вы проснулись, хорошо! — Зои радостно похлопала в ладоши прямо надо мной. — Я уже думала, что вы не проснетесь. — Ночью я споила вам слишком много отвара... Но мисс, зато теперь ваши ребра в порядке, и рана затянулась куда быстрее, чем должна была.

Она выставила большой тролличий палец вверх.

— Который час?

— Двенадцать тридцать, мисс. Его высочество приказал подать завтрак, как вы проснетесь. Но... похоже придётся подавать обед. — Зои засмеялась.

— Где он? — интересуюсь.

— Хозяин ушел по делам, мисс Гилберт. Обед на столе.

Я кинула взгляд на стол возле окна. На подносе стояла тарелка, от неё медленно поднимался пар.

Так не хочется вставать, но запах еды напомнил о давнем голоде. Желудок заурчал, во рту образовалась слюна.

Зои поднесла поднос и молча наблюдала, как я ела суп.

Пообедав, я прошлась по комнате, осматривая её. В углу заметила своё отражение в высоком напольном зеркале и подошла ближе. Приподняла край длинной ночной сорочки, рассматривая левую ногу. На месте укуса, чуть выше щиколотки, красовался неровный шрам — розовый, еще свежий, но уже затянувшийся. Словно прошло не несколько часов, а несколько недель.

— Зои, что это? — я коснулась пальцами рубца.

— О, мисс, это след от укуса. Но не беспокойтесь, он совсем не страшный! — Зои подбежала ближе, разглядывая мою ногу. — Настойка из лунного корня и кровь хозяина творят чудеса.

— Кровь хозяина?

Зои прикусила язык и резко замолчала.

— Зои?

— Мисс, мне пора. Хозяин ждет, что вы будете отдыхать.

— Стой! — но тролльчиха уже выбежала за дверь.

Я нахмурилась, рассматривая шрам. Кровь Томаса в моем отваре? Зачем?

Весь день я бесполезно прослонялась по комнате, рассматривая то одну стену, то другую. Время течёт слишком медленно, когда просто сидишь и ждёшь, даже не понимая чего именно.

За окном стемнело, и в замке зажегся камин и свечи. Зои молча принесла ужин и снова наблюдала за мной, пока я ела.

Странная какая-то.

Мне не хотелось говорить, но всё же любопытство взяло верх:

— Что-то я так и не увидела Хэвана сегодня, — хитро сказала я. — Неужели он ослушался приказа вашего хозяина?

— О, нет, мисс Гилберт. Просто хозяин сам вернулся рано и приказал никому вас не беспокоить до вечера.

— Почему?

— Не дозволено мне знать, мисс. Его высочество не распространяется о своих планах. Никогда.

Зои резко замолкла, уставившись в пол.

Я незаметно пожала плечами и продолжила доедать ужин.

— Все было очень вкусно, спасибо! — с благодарностью в голосе отозвалась я, когда последний кусочек рыбы был прожёван.

— Чаю?

— Не откажусь.

— Приготовлю вам ягодный чай, а вы пока сходите в ванну.

— Я не хочу в ванну.

— Хозяин приказал вам намыться.

Какого хрена?!

— Что значит «приказал намыться»?! — возразила чуть повышенным тоном.

Зои свернулась в комочек и продолжила тараторить:

— Ступайте в ванну, мисс Гилберт. Я принесу чай.

Тролльчиха убежала из комнаты, оставив меня наедине с собственным возмущением.

Вздыхаю. Толку возмущаться? Все равно придется сделать как хочет его высочество.

Приняв ванну и выпив целую кружку чая, обнаружила на постели новую белоснежную простыню.

Бросив на Зои вопросительный взгляд, бегу к шкафу и только сейчас до меня дошло: здесь нет ни одной вещи. Вообще. Пустота.

— Мисс должна надеть это, — Зои протянула простынь. — И идти к хозяину, он ждёт.

— Надеть простынь?! — я выпучила глаза.

Зои кротко кивнула и выбежала за дверь.

Я издала раздраженный рык и обернулась в простынь.

Сижу. Снова сижу в пустой комнате в ожидании чего-то. Вдруг в дверь постучали и в комнату вошел Хэван.

— Его высочество просит тебя пройти к нему.

Встав и гордо задрав подбородок, прошла мимо мужчины в коридор.

Хэван молча вёл меня в назначенное место, игнорировав любой вопрос.

Ну и ладно!

Хэван постучал и толкнул деревянную дверь. Знакомый полумрак комнаты встречает меня. Возле камина в широком кресле сидит его высочество.

За моей спиной закрывается дверь, и я вздрагиваю. От неожиданности? Ой ли. От страха? Точно... Страха, что я осталась один на один с желтоглазым зверем.

Его высочество потягивает из благородного золотого кубка какой-то напиток. Переминаюсь с ноги на ногу и, переборов волнение, подхожу ближе. Отпив немного, он переводит взгляд с пламени на меня.

— Садись.

Я осматриваюсь в поисках стула или пуфика. Ничего нет. В этой комнате вообще кроме камина и кресла больше ничего нет.

Меня охватывает паника. И куда я должна сесть? Неужели к нему на колени?! Взгляд скользнул по Томасу. Он выжидательно продолжает смотреть на разгорающееся в камине пламя. Я замечаю возле его ног небольшой пушистый ковёр и в этот момент Томас кивает.

Сглатываю скопившуюся слюну, осторожно присаживаясь к его ногам.

— Дай руку, — тихий, спокойный голос.

Смотрю на него снизу вверх и лишь сейчас осознаю двусмысленность наших положений: властный жёсткий принц и я, простая девчонка, которую пьяный отец-неудачник проиграл в карты. Где ещё мое место, кроме как ни здесь, возле ног его высочества?

— Руку, — сдержанно повторил.

Я вздыхаю и протягиваю ему руку.

Томас хмыкнул, крепко ухватил кисть и прижал мою ладонь к той самой ране.

Нет. Нет-нет... Фу!

По пальцам снова спускалась теплая бордовая дорожка. Я попыталась отстраниться, но его рука сверху сильнее прижала к себе. Поджимаю губу и обречённо смотрю на него. Но он, кажется, вообще не обращает на меня внимания.

Пара минут кажутся вечностью, но и они проходят, и Том, наконец, отпускает мою руку.

— Иди спать.

Что?!

Он встает с кресла, отставляя пустой кубок в сторону, и направляется к двери в темном углу комнаты. Я следую за ним. За дверью располагалась еще одна комната со шкафом, кроватью, парой тумб и большим окном.

Томас стянул покрывало к ногам и откинул на пол. Заметил меня, удивленно приподнимая бровь.

— Почему не уходишь? Хочешь ко мне? — он кивает на кровать.

Внутри меня что-то дрогнуло.

Хочу ли я к нему?

Медленно киваю, подойдя ближе к кровати.

— Ты наказана.

— Это какая-то шутка?! — У меня сбивается дыхание.

— Я уже говорил, что не похож на шута. А теперь иди спать.

— Нет, я никуда не пойду! — во мне вскипело раздражение, которое копилось весь день. — Зачем нужно было заставлять меня мыться, заворачивать в эту чёртову простынь? Чтобы через пять минут сказать: «иди спать»? Я целыми днями только и делаю, что сижу в комнате! Там даже книг нет, ни одной! Мне нечем заняться, я тупо смотрю в стену и жду, когда надо мной снова решат поиздеваться! Если ты хочешь меня наказать, то придумай что-то поинтереснее, потому что сидеть взаперти — это даже не наказание, это пытка тупостью!

Томас засмеялся.

В следующую секунду он почти подлетел ко мне и вжал моё тело в стену. Я уже собиралась возмутиться, когда грубая мужская ладонь закрыла мне рот. Он запрокинул мои руки вверх, да сделал это так, что касаться пола я могла лишь кончиками пальцев ног.

С губ сорвался приглушенный стон.

— Тш-ш, — горячие губы Томаса прошлись по шее, а руки сдернули с тела простынь.

Я вобрала в лёгкие побольше воздуха и заставила себя замолчать.

— Умница, — его высочество довольно выдохнул мне в ключицу.

Он не торопился. Его пальцы медленно скользили по моей коже — от талии вверх, к ребрам, к груди. Я вздрагивала от каждого прикосновения, чувствуя, как плавится внутри. Он наклонился и провел языком по ложбинке между грудью, потом выше, к шее, к мочке уха.

— Томас... — выдохнула я, сама не зная, прошу или запрещаю.

— Молчи, — шепнул он, и его рука легла мне на затылок, чуть сжимая волосы.

Он целовал меня медленно, глубоко, заставляя забыть, где я и кто я. Я отвечала, путаясь в его губах, в его запахе, в его жадных руках, которые уже не сжимали, а гладили, изучали, дразнили.

Когда его пальцы скользнули между ног, я выгнулась, вцепившись в его плечи. Он усмехнулся прямо в губы и углубил ласку. Мир сузился до этой стены, до его дыхания, до пульса, бьющегося где-то внизу живота.

— Ты хочешь меня? — спросил он, глядя в глаза.

Я не могла говорить. Только кивнула.

— Тогда проси.

— Томас...

— Проси, Алиса.

В его глазах плясали огоньки. Я видела в них что-то древнее, голодное, но сдерживаемое стальной волей.

— Пожалуйста, — выдохнула я.

Этого хватило.

Он подхватил меня под бедра, и я обвила его ногами. Толчок был резким, наполненным, и я закусила губу, чтобы не закричать. Он двигался во мне медленно, глубоко, каждый раз задевая что-то самое чувствительное, от чего темнело в глазах.

— Смотри на меня, — приказал он.

Я смотрела. В его глаза, в которых зрачки почти затопили радужку. В его губы, приоткрытые от быстрого дыхания. В его лицо, такое близкое и такое чужое одновременно.

Он целовал мои веки, скулы, уголки губ, не сбавляя ритма. Я тонула в нём, теряла себя, рассыпалась на миллион осколков, и каждый его толчок собирал меня заново.

Когда волна накрыла меня, я зарылась лицом в его плечо, заглушая крик. Он сжал меня сильнее, сделал еще несколько движений и замер, уткнувшись лбом в мою шею.

Мы стояли так, прижатые к стене, тяжело дыша. Я чувствовала, как бьётся его сердце — быстро, сильно, в унисон с моим.

Потом он аккуратно опустил меня на пол, подхватил с пола простынь и накинул мне на плечи.

— Теперь иди спать, — сказал он, но в голосе не было приказа.

— А ты?

— Я приду позже.

Я хотела возразить, но он уже отвернулся, выходя к камину. В отсветах пламени его спина казалась высеченной из камня — шрамы, татуировки, напряженные мышцы.

Я прижала простынь к груди и забралась в кровать Его Высочества.

В эту игру я, кажется, начинала проигрывать...

Флешбэк 4. Томас

После того случая в замке всё изменилось. Лорем притих, с головой ушел в работу, боясь вызвать мой гнев. А Эвери... она стала тенью, бесшумно скользящей по залам, убирающей и наводящей порядок. Ни слова о том скандале на конюшне. Молчание — золото? Я наблюдал за ней издалека, восхищаясь её терпением и мудростью. Всё шло своим чередом: днём я занимался делами, вечера проводил с Эвери. Я наслаждался её обществом, слушал рассказы о деревенской жизни, вдыхал её запах. Она была невероятно грациозна для простолюдинки. Я ловил себя на мысли, что мне нравится заботиться о ней. С ней я чувствовал себя живым.

Но тень раздражения омрачала это чувство: она была замужем за тем, кто её не ценил. Ночью, под звездами, я думал, а что было бы, если бы я послал принципы к чёрту и позволил себе полюбить? Я знал, что это невозможно, но с каждым днём желание быть рядом с ней, защищать её, становилось сильнее. Страсть затмила разум, я был готов на всё.

Хэван часто хвастался похождениями с девушками в городе. Я подыгрывал, поддерживая его рассказы, но сам отказывался от поездок, ссылаясь на дела. Его подозрительный взгляд прожигал меня, но я ничего не мог поделать. Моё сердце было в плену у черноволосой замужней девчонки.

Однажды я решил порадовать её. Она часто говорила о книгах, которые не может купить. Я устроил ей сюрприз.

Я провел её через лабиринты замка к величественной библиотеке.

— Вот моё сокровище, милая Эвери, — улыбнулся я, открывая дверь.

Она вошла и замерла. На полках стояли тысячи книг, а в проходах витал запах столетий.

— О, Томас! — выдохнула она, глаза её сияли. — Это самое прекрасное место! Здесь все книги мира!

— Не все, — усмехнулся я, ведя её между стеллажами. — Но большая часть. Знаешь, я хочу показать тебе кое-что особенное.

Я снял с полки тяжелый том в кожаном переплете с золотым тиснением.

— Вальтер Скотт. «Айвенго», — прочел я заглавие. — Моя любимая книга с детства. Мой отец читал мне её вслух у камина.

Эвери благоговейно провела пальцем по корешку.

— Я слышала о ней. Рыцари, турниры, прекрасные дамы...

— Именно, — кивнул я, открывая книгу. — Но дело не только в рыцарях. Понимаешь, здесь есть герой, благородный разбойник Робин Гуд, который борется за справедливость. И прекрасная еврейка Ревекка — она мудра и смела, хотя судьба к ней жестока. Скотт пишет об Англии, о чести, о том, что истинное благородство не всегда в крови, а в поступках.

Я посмотрел на Эвери.

— Думаю, тебе бы понравилась Ревекка. Она тоже... не из знатного рода, но обладает душой королевы.

Эвери взяла книгу в руки, словно драгоценность.

— Ты правда дашь мне почитать? — спросила она с такой надеждой, что у меня сжалось сердце.

— Конечно. Можешь приходить в эту библиотеку и брать любую приглянувшуюся книга.

Мы устроились в креслах у окна, и я начал читать вслух отрывки о турнире в Ашби. Эвери слушала, затаив дыхание, иногда перебивая вопросами. Вскоре разговор перешел с книги на другое.

— А знаешь, Томас, — вдруг сказала она, глядя в окно на затянутое тучами небо, — когда я читаю такие книги, я всегда представляю себя где-то далеко. Не здесь.

— Где же? — спросил я, откладывая том.

Эвери мечтательно улыбнулась, и я увидел её совсем другой — не служанкой, а девушкой с душой, полной грёз.

— Я представляю море, — начала она тихо. — Огромное, бескрайнее, синее-синее, как сапфиры в твоем перстне. Я стою на носу корабля, ветер треплет мои волосы, и пахнет солью и свободой. Мы плывем в далекие земли, о которых пишут в книгах. В Индию, где слоны носят золотые попоны, или в Африку, где горы касаются облаков.

Она говорила, и её голос звучал, как музыка.

— Я бы сошла на берег и пошла бы пешком через джунгли, где листья больше меня ростом, а птицы поют так, как никто не слышал. Разбила бы лагерь у подножия вулкана, пила бы воду из горного ручья и слушала бы рассказы местных жителей о древних духах и богах. А ночью... ночью лежала бы на траве и смотрела на звезды, но не на английские, а на совсем другие, незнакомые созвездия.

Я смотрел на неё и не мог отвести взгляд. Передо мной сидела не просто горничная, а отважная путешественница, искательница приключений, запертая в клетке условностей и бедности.

— Англия для меня слишком мала, — прошептала она, словно признаваясь в сокровенном. — Иногда я задыхаюсь здесь, в этих холмах. Мне хочется сорваться и бежать за горизонт.

— Ты удивительная, Эвери, — вырвалось у меня прежде, чем я успел подумать. — Я знаю многих леди из высшего света. Они мечтают о новых платьях и балах. А ты мечтаешь о мире.

Она смутилась и опустила глаза.

— Глупости, наверное. Деревенская девчонка с несбыточными мечтами.

— Нет, — твердо сказал я. — Не глупости. Это самое прекрасное, что я слышал.

Чтобы разрядить обстановку, я спросил:

— А откуда в тебе эта тяга к далеким странствиям?

Эвери помолчала, потом улыбнулась уже знакомым мне мечтательным светом.

— Это всё легенды, — призналась она. — Моя бабушка была из Корнуолла. Она рассказывала мне старые кельтские сказания. О короле Артуре, о волшебнице Моргане, о рыцарях Круглого стола, о затонувшем королевстве Лайонесс. Я засыпала и представляла себя принцессой из этих сказок. Не той, что сидит в башне и ждёт спасителя, а той, что сама скачет на коне через зачарованный лес, говорит с драконами и ищет священный Грааль.

Она рассмеялась, но в её смехе слышалась легкая грусть.

— Я всегда воображала себя принцессой Эвери из потерянного королевства. У неё были черные волосы, как смоль, и она умела понимать язык ветра. Глупая девчонка, правда?

— Нет, — ответил я, поражённый. В её словах было столько чистоты и поэзии, что у меня перехватило дыхание. — В каждом из нас живет тот, кем мы мечтали стать в детстве.

Мной овладело внезапное, безумное вдохновение. Я вскочил с кресла.

— Пойдём со мной.

Я снова повёл её по коридорам, но на этот раз не вниз, а вверх, в самую старую часть замка — в Большой зал. Там, в тусклом свете зимнего дня, на возвышении стоял дубовый трон моих предков — массивный, с резными подлокотниками в виде грифонов и высокой спинкой, увенчанной гербом Хоэрта.

— Садись, — сказал я, указывая на трон.

Эвери испуганно отшатнулась.

— Томас, что ты? Я не могу! Это же трон лордов, мне нельзя...

— Ты моя гостья, — мягко, но настойчиво сказал я. — Сделай это для меня.

Она несмело подошла и села на самый краешек трона, словно боясь, что он обожжет её. Её простое серое платье выглядело неуместно на фоне древнего резного дерева, но в её осанке, в том, как она подняла голову, было что-то... что-то невероятное.

Я поднялся по ступенькам и встал за троном. На спинке, на бархатной подушке, покоилась корона — та, что веками венчала головы моих предков. Я снял её. Она была тяжелой, из почерневшего серебра с крупными аметистами.

— Томас, нет! — воскликнула Эвери, когда поняла моё намерение. — Это святотатство!

— Это всего лишь вещь, — ответил я.

Я осторожно надел корону ей на голову. Аметисты вспыхнули фиолетовым огнем в лучах скудного солнца, пробившегося сквозь витраж. И случилось чудо: Эвери преобразилась. Корона сидела на её черных волосах так, будто была создана именно для неё. В её глазах, широко распахнутых от удивления, отразилось всё величие древних королев. Исчезла робкая служанка. На троне сидела королева. Истинная. Настоящая. Та, о которой слагают легенды.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри меня рушится последняя стена. Никогда прежде я не сажал никого на этот трон. Ни одну девушку я не желал видеть в своих личных границах — я всегда тщательно оберегал их, не подпуская никого слишком близко. И сейчас, глядя на Эвери в древней короне моих предков, я понял: границы рухнули. И мне не хотелось их восстанавливать.

— Томас, — прошептала она. — Зачем ты это делаешь?

Вместо ответа я протянул ей руку.

— Идёмте, миссис Гилберт, я хочу показать тебе кое-что ещё.

Она несмело поднялась, корона всё ещё находилась на её голове.

Я повёл её через анфилады залов, вниз по каменным ступеням, через внутренний двор к конюшням. Эвери шла рядом, и корона поблескивала в сумерках, заставляя встречных слуг испуганно отводить взгляды. Но мне было всё равно. Пусть смотрят. Пусть видят.

Конюшни Ридов всегда были моей гордостью. Я распахнул перед Эвери тяжелую дубовую дверь, и нас окутал тёплый запах сена, кожи и лошадей.

— Здесь мои любимцы, — сказал я, ведя её вдоль стойл.

Первым, услышав мой голос, высунул крупную рыжую голову Голден — мой жеребец, гордость конюшни. Его грива отливала золотом в свете масляных ламп.

— Это Голден Третий, — представил я, потрепав коня по холке. — Мой верный друг. Мы с ним выросли вместе.

Голден фыркнул и ткнулся мягкими губами в ладонь Эвери, словно приветствуя её. Она рассмеялась — легко, удивленно, и этот смех отозвался где-то глубоко во мне.

— А это, — я подвел её к соседнему стойлу, где стояла белоснежная кобыла невероятной красоты, — Розанда. Нежная, как утренний цветок, и быстрая, как ветер.

Эвери замерла, завороженно глядя на кобылу. Розанда, словно чувствуя родственную душу, потянулась к ней, тихо всхрапнув.

— Ты умеешь ездить верхом? — спросил я.

— Да, — ответила она, не отрывая взгляда от лошади. — У отца четыре лошади на ферме. С детства в седле.

Ответ прозвучал просто, без тени жеманства. Ещё одно открытие. Мало того, что она мечтает о морях и легендах, так ещё и в седле держится с детства.

— Тогда поедем со мной, — сказал я, и в голосе моём прозвучало то, чего я сам не ожидал — мольба.

Я снял с крюка свою дорожную накидку — тяжелую, из темно-зеленого сукна, подбитую мехом, чтобы защищаться от вечернего холода, и накинул её на плечи Эвери. Она утонула в ней, но глаза её сияли.

— Тебе идет, — сказал я тихо и, не дав ей опомниться, принялся седлать коней.

Через несколько минут мы уже выезжали со двора. Я помог Эвери взобраться на Розанду, затем я вскочил на Голдена, и мы тронулись в сторону леса.

Вечерний воздух был свеж и прозрачен. Копыта лошадей мягко ступали по опавшей листве. Мы ехали бок о бок, и я не мог отвести от неё взгляда.

— Эвери, — позвал я тихо, когда мы углубились в лес. — Забудь сейчас обо всем. Забудь, кто ты и кто я. Представь, что ты та самая принцесса из твоих легенд. Та, что скачет навстречу настоящим приключениям.

Она повернулась ко мне, и в её глазах вспыхнул тот самый мечтательный свет, который я видел в библиотеке. Она пришпорила Розанду, и мы понеслись по лесной тропе.

Ветер бил в лицо, свистел в ушах, но я смотрел только на неё. Корона сияла на её черных волосах, аметисты ловили последние лучи заходящего солнца. Её волосы развевались на ветру, выбиваясь из-под древнего венца. Моя тёмно-зеленая накидка развевалась за её спиной, словно мантия королевы. Она смеялась звонко и по-настоящему счастливо, запрокинув голову, и в этом смехе было всё: её запертые в клетке мечты, её детские сказки о потерянных королевствах, её жажда свободы. Ни одна леди в шелках и бриллиантах не могла сравниться с *ней*— простой девушкой в моей накидке, с чужой короной на голове, скачущей по лесу на белой лошади. Она была живой. Настоящей.

Мы остановились на опушке, когда лес кончился и перед нами открылись холмы, подернутые вечерней дымкой. Эвери перевела дыхание, поправила корону и посмотрела на меня сияющими глазами.

— Спасибо тебе, Томас, — сказала она тихо. — Я никогда... никогда не чувствовала себя такой свободной.

Я не знал, почему меня так влечет к ней. Не мог объяснить. Не красотой единой — я видел женщин и прекраснее. Не умом — я встречал дам образованнее. Но было в ней что-то неуловимое, что заставляло мое сердце биться чаще, а мысли возвращаться к ней снова и снова. Её смех, её запах, её голос, её мечты, её сказки — всё это сплелось в тугой узел, который я не мог разорвать. Она просто зацепила меня.

Я подъехал ближе, протянул руку и осторожно поправил съехавшую корону, вернув её на место, затем взял её ладонь в свою.

— Я не знаю, почему ты, — произнес я хрипло, почти растерянно. — Не знаю, что со мной случилось. Я не искал тебя. Я вообще никогда никого не искал. Но ты здесь. И я не могу... не могу отвести взгляд.

Я сжал её пальцы.

— Томас, мы не можем... Я замужем... — прошептала она разбитым голосом.

— Я знаю, — ответил я, всё еще сжимая её руку.

И впервые за долгие годы я не знал, что делать дальше. Я, Томас Рид, привыкший всё контролировать, чувствовал себя мальчишкой, впервые столкнувшимся с чем-то большим, чем он сам.

Глава 6. Сладкий яд реальности. Часть 1

Сквозь сонную пелену пробилось что-то тёплое и настойчивое. Оно жгло веки, заставляя морщиться и отворачиваться, но неумолимо следовало за мной, вытаскивая из глубин липкой, тягучей темноты, где ещё звучал его голос.

Я распахнула глаза.

В лицо ударил яркий, почти белый солнечный свет. Он лился из окна, которого здесь быть не должно. В окнах комнат замка не было солнца, только вечный сумрак, подсвеченный дрожащим пламенем свечей.

Я зажмурилась, часто моргая, прогоняя разноцветные пятна перед глазами. Голова гудела, словно после долгого, беспокойного сна. Тело было ватным, невесомым. Я с трудом приподнялась на локтях, всё ещё чувствуя странную, тянущую пустоту внизу живота — отголосок его прикосновений, его тяжести, его губ на моей коже.

Томас...

Сонная пелена не желала отпускать, мешая чётко осмотреться. Я снова зажмурилась и изо всех сил протёрла глаза кулаками. Глубоко вздохнула, пытаясь собрать разбегающиеся мысли в кучу, и села в кровати, потянувшись. Хрустнули позвонки, заныли мышцы спины — приятная, томительная боль после ночи, проведённой не в одиночестве.

Я открыла глаза и осмотрелась по сторонам. И меня захлестнуло ледяной волной ужаса и непонимания: я сидела на узкой, продавленной кровати в нашем с отцом трейлере!

Сердце пропустило удар, а потом бешено заколотилось где-то в горле. Я замерла, боясь пошевелиться, надеясь, что это просто мираж, игра уставшего сознания. Но нет. Всё было реально до отвращения. Знакомая теснота, линолеум в цветочек, занавески с пожелтевшими от времени краями, бардак на столике — банки из-под пива, огрызок яблока, старый номер газеты. А главное — этот запах. Запах дешёвого кофе, табака, застарелой пыли и безысходности, который намертво въелся в стены нашего «дома на колёсах».

Это был не сон. Это был не обморок. Я здесь. Но как? Как, чёрт возьми, это возможно?

В памяти яркими, почти болезненными вспышками стояла прошлая ночь. Жёсткая стена, к которой Его Высочество прижимал меня. Его горячее дыхание на шее, его пальцы, скользящие по телу, его шёпот, требующий, чтобы я просила. Я чувствовала его в себе, помнила каждое движение, каждое биение его сердца, которое я ощущала грудью, когда он сжимал меня в объятиях. Помнила, как уснула, обессиленная, в его постели, уткнувшись носом в его плечо, вдыхая запах дыма, старого камня и дикого, необузданного зверя.

А очнулась здесь.

Бред.

Я медленно спустила ноги с кровати, коснувшись ступнями холодного пола, ощущая дрожь. Встала, держась за стенку, и прошлась по тесному проходу. Моя рука коснулась столика, на котором стоял завтрак: тарелка с яичницей и беконом, ещё тёплая. Рядом дымилась кружка с кофе, а на плите, тихо посвистывая, закипал чайник.

Слишком реально.

Я с силой сжала край столика, впиваясь ногтями в пластик, надеясь почувствовать, что это сон. Но боль отозвалась в пальцах реальной, физической болью. Я провела рукой по стене, по шкафчику, по занавеске. Всё настоящее.

Тогда я подошла к зеркалу, висевшему на дверце шкафа.

Из мутноватого стекла на меня смотрела *я*. Алиса Брайт. Растрёпанная, с тёмными кругами под глазами, бледная, но это точно была я. Черты лица те же, веснушки на носу те же, родинка над губой на месте.

— Алиса, — прошептала я, касаясь пальцами своего отражения.

Значит, я не сошла с ума. Значит, это я.

Мысли заметались в панике. Англия, замок, Томас, Хэван, тролли, оборотни... Неужели всё это был просто сон? Галлюцинация? Но как можно было выдумать ТАКИЕ подробности? Такие ощущения?

И тут меня пронзило.

Укус!

Я резко наклонилась, чуть не упав, и схватилась за ногу чуть выше щиколотки. Там, где ещё несколько часов назад (или дней?) зияла рваная рана, залитая кровью, а потом превратившаяся в розовый, свежий шрам... кожа была чистой. Гладкой. Идеальной. Ни следа. Ни намёка. Даже старого шрама или царапины!

Ноги подкосились, и я опустилась на пол, прямо посреди трейлера. Меня затрясло. Это невозможно. Это просто невозможно!

Я вскочила и бросилась к подоконнику, где стоял мой старый, потрёпанный жизнью ноутбук. Пальцы дрожали, когда я с силой распахнула крышку, чтобы разбудить его от спячки. Экран засветился, загружаясь. Я смотрела на часы в углу, отсчитывая секунды, которые тянулись бесконечно долго. Наконец, на экране высветилась дата. Я моргнула, не веря своим глазам, протёрла экран рукой, думая, что мне мерещится.

Дата была ровно два дня спустя после той проклятой церемонии, где Клара Роук снова украла нашу победу!

Но меня похитили больше двух недель назад! Я была в Лондоне, в замке, я видела снег, я видела луну... Прошло не меньше двух недель, а может, и больше!

— Этого не может быть... — прошептала я в пустоту.

Словно в ответ, закипевший чайник обиженно засвистел, требуя к себе внимания, как ни в чём не бывало. Я на автомате выключила плиту, но даже не взглянула на чайник.

Вернуться назад во времени? Или всё, что было, лишь плод моего воображения?

Я не знала, что хуже. Оба варианта казались безумными.

Мне нужно было немедленно найти отца.

Я заметалась по трейлеру в поискаходежды. На спинке стула висела моя старая рубашка, которую я носила годами, и шорты. Я натянула их, даже не замечая, что делаю, и выскочила на улицу. Солнце ударило по глазам с новой силой, я зажмурилась, привыкая, и огляделась.

Трейлерный парк в Калифорнии. Именно здесь мы с отцом всегда прятались от больших проблем, когда заканчивались деньги. Сюда часто приезжали волонтёры с бесплатной едой, можно было перебиться. Знакомые до боли пейзажи: ряды потрёпанные жизнью трейлеры, высохшая трава, горы на горизонте. Вокруг было много людей: кто-то сидел в складных креслах перед своими домами, кто-то возился в пыльных палисадниках, кто-то просто проходил мимо. На меня никто не обращал внимания. Никто не пялился, не тыкал пальцем, не пытался схватить.

Я пошла вдоль рядов, выискивая взглядом отца. Сердце колотилось где-то в горле, в висках стучала кровь. Каждую секунду я ожидала подвоха, ожидала, что из-за угла выскочат Хэван и Крепыш, или что небо потемнеет и надо мной нависнет громадная чёрная тень. Но ничего не происходило.

Я дошла до старого, полуразвалившегося сарая, где местные мужики иногда собирались поиграть в карты. Отец сидел на ящике у входа, живой, целый. Он курил дешёвую сигарету, щурясь на солнце, и листал какую-то затёртую газету. Увидев меня, он поднял голову, и на его лице расплылась виноватая, но одновременно облегчённая улыбка.

— Алиса! — он вскочил, затушил сигарету ногой и шагнул ко мне. — Дочка, слава богу, ты проснулась! Я уж думал, ты до вечера проспишь.

Я смотрела на него и не могла вымолвить ни слова. Он выглядел обычно: немного помятым, но в целом — обычным. Без цепей, без синяков, без того безумного страха, который был в его глазах, когда Томас вышвыривал его из замка.

— Папа... — голос мой прозвучал хрипло и надломлено. — Что случилось? Где мы?

Отец нахмурился, подходя ближе и кладя руку мне на плечо. Его ладонь была тёплой, живой.

— Алиса, ты как? Нормально? Голова не болит? — он всмотрелся в моё лицо. — Ты перебрала шампанского, помнишь? У тебя было небольшое отравление, пришлось тащить тебя на себе почти. Ты отключилась ещё в лимузине тем вечером после церемонии.

— Что? — я отшатнулась, не веря ни единому его слову. — Папа, нас же похитили! Ты проиграл меня в карты, а какие-то бандиты усыпили меня хлороформом! Я была в Англии, в замке! Там были тролли, и...

Отец перебил меня, осторожно сжимая мои плечи. В его глазах читалась тревога за моё психическое здоровье.

— Тихо-тихо. Какие карты? Какой хлороформ? — он говорил мягко, как с душевнобольной. — Мы вернулись в отель, ты рухнула на кровать и всё. А когда утром мы уехали из отеля, ты даже не проснулась. Я решил не тревожить тебя, привёз сюда, Майкл отпаивал тебя лекарствами, два дня от тебя не отходил.

Каждое его слово было ударом. Ложь, полная, абсолютная ложь!

Я вывернулась из его рук и отступила на шаг. Смотрела на него, на этот парк, на это палящее солнце, и ничего не понимала.

— Ты не был в Англии? — спросила я, затаив дыхание.

— В какой Англии? — отец нервно усмехнулся.

Я смотрела на него, и вдруг мир поплыл перед глазами. Картинка задрожала, звуки стали далёкими, словно через вату. Грудь сдавило так сильно, что я не могла вздохнуть. Воздух кончился, его просто не стало. Я хватала ртом пустоту, но лёгкие отказывались наполняться. Сердце билось где-то в горле, бешено, неровно, готовое выскочить. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли чёрные точки. Земля уходила из-под ног...

— Алиса? Алиса! — голос отца донёсся почти как из другого мира.

Я попыталась ухватиться за него, но пальцы лишь скользнули по воздуху. Точки сгустились в темноту, и я провалилась в неё, даже не почувствовав, как моё тело коснулось земли.

Сознание возвращалось медленно, неохотно. Сначала появились звуки: чьи-то голоса, приглушённые, взволнованные. Потом — ощущение холода на лбу. Что-то влажное и прохладное касалось кожи, и это было единственным приятным во всём окружающем кошмаре.

Я закряхтела, пытаясь разлепить веки: они были тяжёлыми, словно свинцовыми.

— Алиса, ты меня слышишь? — обеспокоенный голос отца.

Я с трудом разлепила глаза. Надо мной склонились два лица: бледный, перепуганный отец и Майкл. Майкл сидел рядом и аккуратно протирал мой лоб холодным мокрым полотенцем. Его большая ладонь была неожиданно нежной.

— Очнулась, слава богу, — выдохнул Майкл. — Ты как, детка?

Я смотрела на них мутным взглядом, пытаясь сфокусироваться. Сознание ещё плавало где-то между явью и забытьём, и в этой мутной пелене самым ярким, самым чётким оставался ОН.

— Где Томас? — вырвалось у меня хриплым, умоляющим шёпотом. — Пожалуйста... верните меня к нему... Я должна вернуться...

Отец и Майкл переглянулись. В их взглядах читалось одно и то же: *она не в себе*.

— Тихо, тихо, — Майкл мягко, но настойчиво надавил на мои плечи, укладывая обратно на подушку. — Никуда тебе не надо идти. Ты в трейлере, с нами. Всё хорошо.

— Какой Томас, дочка? — отец нахмурился, в его голосе зазвучали строгие нотки.

— Хозяин замка... — прошептала я, чувствуя, как слёзы текут по вискам. — Он... он там... я не могу здесь...

Майкл накрыл мою руку своей ладонью.

— Похоже на солнечный удар, — тихо сказал он отцу, кивая на моё состояние. — Бредит. Может, врача вызвать? Пусть посмотрят её.

— Нет! — я замотала головой, насколько позволяли силы, вцепившись в его руку. — Не надо врача. Пожалуйста. Только воды.

Майкл с сомнением посмотрел на меня, но кивнул, встал и отошёл к плите за водой.

Я повернула голову к отцу, поймав его взгляд. Говорить было трудно, горло саднило, но я должна была попытаться ещё раз. Только шёпотом, чтобы Майкл не слышал.

— Пап, — прошептала я, молящим голосом. — Ты правда ничего не помнишь? Англия? Замок? Тот мужчина в капюшоне, с жёлтыми глазами? Он... он вышвырнул тебя оттуда.

Отец смотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. В его глазах не было узнавания. Только растущая тревога и... разочарование?

— Алиса, — его голос стал жёстче, чем я когда-либо слышала. Он наклонился ближе, понизив голос, чтобы Майкл не слышал. — Послушай меня внимательно: если ты не прекратишь нести эту чушь, я отвезу тебя сдавать анализы на наркотики. Поняла?

Я замерла. Слова отца были как пощёчина. Холодная, отрезвляющая пощёчина. Он не помнил. Он правда ничего не помнил. Или делал вид. Но скорее первое. Для него всё это — просто бред его больной, уставшей дочери.

Отчаяние захлестнуло с новой силой. Я замолчала, откинувшись на подушку и закрыв глаза. Бесполезно.

Майкл вернулся со стаканом воды и протянул мне. Я пила жадно, обжигая горло холодной жидкостью, и думала только об одном: как доказать, что я не сошла с ума?

— Может, на улицу выйдем? — предложил Майкл, забирая пустой стакан. — Воздухом подышишь, легче станет.

— Нет, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я... я ещё слабая. Полежу тут.

Майкл с отцом переглянулись, но спорить не стали. Отец лишь вздохнул и вышел из трейлера, бормоча что-то про сигареты. Майкл задержался, поцеловал меня в лоб и тоже вышел, сказав, что будет рядом.

Как только дверь за ними закрылась, я вскочила с кровати, едва не упав от головокружения. Шатаясь, добралась до ноутбука. Пальцы дрожали, когда я открывала браузер.

Хоэрт. Англия.

Поисковая строка послушно выдала результаты. Я кликала по ссылкам, вглядываясь в текст.

И я нашла.

"Хоэрт был основан в 1209 году. Маленькое поселение на севере Англии, выросшее вокруг замка, построенного предками Томаса Рида. Именно там, в этих суровых, продуваемых всеми ветрами землях, была выстроена их империя. Семья Рид разбогатела на торговле шерстью и шёлком, их мануфактуры славились по всей стране. Кровь лордов текла в их жилах, некоторые из них даже восседали на троне, правя этими землями."

Я жадно впитывала информацию, надеясь найти хоть какое-то подтверждение того, что всё это не сон.

Дальше была страница с генеалогическим древом и краткими биографиями.

"Родители Томаса Рида: Мэри Сью Рид и Харри Рид. Погибли, когда их сыну было шестнадцать лет. Причина смерти была указана как «несчастный случай». Предположительно, на них напали дикие животные, когда они пересекали холмы к западу от Хоэрта. Тела так и не нашли."

У меня перехватило дыхание. Дикие животные... Холмы... Я вспомнила вой оборотней в лесу, вспомнила, как Томас спас меня от них. Неужели его родителей убили... *они*?

Я заставила себя читать дальше.

"Сам Томас Рид погиб в возрасте двадцати шести лет."

Сердце пропустило удар.

"Причина смерти — пожар в замке Рид. Замок сгорел почти дотла. Тело Томаса Рида было найдено среди руин. У него не было наследников. Династия на нём прервалась. Управление остатками замка и всеми землями перешло в руки Маркуса Гоберри, близкого друга семьи, который и так вел все дела семьи Рид на протяжении многих лет."

Я смотрела на экран невидящим взглядом.

Погиб в возрасте двадцати шести лет.

Строчки расплывались перед глазами.

— Нет... — выдохнула я. — Не может быть.

Этого просто не могло быть. Я видела его. Я трогала его. Я чувствовала его кожу под своими пальцами, его губы на своих губах, его тело внутри себя. Я слышала его голос, его рычание, его шёпот. Я помнила запах его волос, его дыхания. Он был живой. Настоящий. До каждой чёртовой клеточки!

А по этой гребаной статье он мёртв уже почти двести лет!

Я вскочила, отшвырнув ноутбук в сторону. Металлический корпус глухо стукнулся о стену. Меня трясло крупной, неконтролируемой дрожью. Я схватилась за голову, вцепившись в волосы, сжимая их до боли, пытаясь удержать рвущийся наружу крик. Комната плыла перед глазами, воспоминания накатывали волнами, сталкивались с безжалостными строчками из интернета, разрывая сознание на части.

Я опустилась на пол, обхватив колени руками, и зажмурилась, пытаясь удержать внутри себя его образ.

— Томас... — позвала я в пустоту. — Где ты? Ответь мне. Пожалуйста.

Но в ответ была только тишина калифорнийского трейлерного парка. Тишина, в которой больше не было места чуду.

И тут меня осенило.

Гилберт.

Эта фамилия преследовала меня в замке как проклятие. Камеристка, тролли, сам Томас — все называли меня «мисс Гилберт». Хэван сказал, что компас указал на меня. А Томас... Томас ненавидел во мне эту черту

Я вскочила, едва не споткнувшись о собственную ногу, и бросилась к ноутбуку. Если я что-то и могла сейчас сделать, то это найти связь. Найти доказательство, что моя семья каким-то образом связана с этими людьми.

Я трясущимися пальцами нажала на кнопку включения.

Ноутбук издал жалобный писк. Экран засветился мутно-серым, пару раз моргнул, выдал полоску ряби и... погас. Совсем.

— Нет-нет-нет! — я заколотила по клавиатуре, нажимая кнопку снова и снова. — Давай, сволочь, работай!

Ноутбук молчал. Я со всей силы хлопнула ладонью по столу. Боль отдалась в руку, но легче не стало.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Компьютер сдох в тот самый момент, когда мне нужна была информация.

Я горько вздохнула, провела ладонями по лицу, пытаясь успокоиться. Паника снова подступала к горлу липким комком, но я приказала себе дышать. Глубоко. Ровно.

Если мама была из рода Гилберт, то отец должен что-то знать.

Я решительно направилась к выходу, на ходу одёргивая рубашку. Ноги ещё подкашивались после обморока, голова кружилась, но я заставляла себя идти вперёд.

На улице солнце пекло немилосердно. Я щурилась, обводя взглядом парк в поисках отца. Увидела его в старой, покосившейся беседке, которая чудом держалась на честном слове и ржавых гвоздях. Он сидел за пластиковым столиком и с аппетитом поглощал лазанью из картонной коробки.

Я подошла ближе, чувствуя, как запах еды на секунду вызвал предательский спазм в желудке. Голод напомнил о себе остро, до боли, но стоило мне представить, как еда касается моего рта, как внутренности скручивает тошнотой.

— Алиса! — отец поднял голову, вытирая губы бумажной салфеткой. — Майкл за водой уехал, сказал, скоро вернётся. Присаживайся, поешь. Лазанья ещё тёплая.

Он подвинул коробку ко мне.

Я села напротив, отрицательно качнув головой.

— Не хочу. Спасибо.

Желудок снова болезненно сжался, словно протестуя против моих слов. Я прижала ладонь к животу, пытаясь унять спазм. Слишком много всего накрутилось внутри, чтобы впихивать туда ещё и лазанью.

— Зря, — отец пожал плечами и продолжил жевать.

Я смотрела на него и не знала, с чего начать. Слишком много вопросов роилось в голове. Но я решила зайти издалека.

— Пап, — голос мой прозвучал тихо, почти робко. — Можно тебя кое о чём спросить?

Он кивнул, пережёвывая.

— О маме.

Отец замер с вилкой в руке. Его лицо, обычно непроницаемое, когда речь заходила о матери, дрогнуло. Он отложил еду и внимательно посмотрел на меня.

— О маме? — переспросил он осторожно. — Что именно?

— Я... — я запнулась, подбирая слова. — Я просто задумалась. Скучаю по ней, и поняла, что многого не знаю. Ну, например, какая у неё была девичья фамилия?

Я старалась говорить как можно более естественно, будто это просто праздное любопытство. Будто меня не разрывает изнутри желание докопаться до правды.

Отец откинулся на спинку скрипучего стула. Взгляд его ушёл куда-то вдаль, сквозь меня.

— Девичья фамилия? — он хмыкнул. — Гилберт. Эмили Гилберт.

У меня внутри всё оборвалось и замерло, а потом бешено заколотилось.

Гилберт.

— Она... — голос мой дрогнул, пришлось откашляться. — Она из Англии?

Отец покачал головой.

— Нет, твоя мама родилась здесь, в Америке, в штате Иллинойс. И бабушка твоя, Мэгги, тоже всю жизнь прожила в Штатах. А вот прабабушка... — он задумался, почесал небритый подбородок. — Прабабушка твоя приехала с семьёй из Англии. Когда это было? В конце девятнадцатого, наверное. Или в начале двадцатого. Точно не помню.

— А кем они были?

— Да кто ж их разберёт, — отец пожал плечами. — Говорили, обычные йомены. Фермеры, ремесленники. Не лорды, не графы. Простые работяги и жили они, кажется... не помню точно где. Где-то в северной Англии.

Северная Англия. Хоэрт на севере.

Всё сходилось.

— Пап, — я подалась вперёд, чувствуя, как надежда снова загорается в груди. — А как вы познакомились? С мамой...

Отец улыбнулся. Редкая, тёплая улыбка осветила его лицо, делая его моложе и мягче.

— О, это была история, — он покачал головой. — Я тогда работал на ярмарке в Огайо. Крутил колёса обозрения, знаешь, такая дурацкая работа. И вот однажды вечером, когда я уже закрывал аттракцион, вижу — стоит девушка. Совершенно одна, смотрит на остановившееся колесо, и по щекам у неё слёзы текут. Я подошёл, спросил, что случилось. А она говорит: «Я никогда не была так высоко. А теперь колесо не работает, и я, наверное, никогда больше не решусь увидеть небо с такой высоты». — отец рассмеялся, и в его смехе слышалась нежность. — Представляешь? Она плакала из-за того, что не сможет прокатиться на чёртовом колесе обозрения. Я, дурак, включил его обратно, прокатил её раз, потом второй, третий... Мы проговорили всю ночь. А утром она сказала, что не хочет больше никуда уезжать без меня.

Я слушала, затаив дыхание. Мама, которую я помнила тихой и уставшей от болезни, оказывается, когда-то плакала из-за остановившегося колеса обозрения. Эта мысль согревала и разрывала сердце одновременно.

— А потом? — спросила я тихо.

— А потом мы поженились. И началась наша жизнь, — отец вздохнул. — Твоя мать... она была странная, но в хорошем смысле. Она никогда не могла усидеть на месте. Мы переезжали каждый год, а то и чаще. Она говорила, что воздух в одном месте становится спёртым, что ей нужно двигаться, видеть новое. Я не понимал, но терпел. Ради неё я был готов на всё. А когда родилась ты... — он посмотрел на меня с такой любовью, что у меня защипало в глазах. — Она стала ещё беспокойнее. Мы мотались по всей стране, пока она не заболела. — голос отца дрогнул. — Врачи сказали, что сердце... оно просто не выдержит новых переездов. И она согласилась остаться в Миссури. Наверное, это был единственный раз, когда она сдалась.

Я молчала, переваривая услышанное. Частые переезды в детстве, которые я помнила смутно. Мама всегда собирала чемоданы с каким-то лихорадочным блеском в глазах. Я думала, это просто авантюризм.

— Пап, а бабушка? — спросила я. — Мамина мама? Я её никогда не видела.

Отец помрачнел.

— Мэгги умерла, когда твоей маме было двадцать. Сердце. У них в роду это, похоже, семейное. У неё, кроме твоей мамы, были ещё дети. Двое, кажется. Но они умерли маленькими, лет в десять и в тринадцать. Я толком и не знаю подробностей, Эмили не любила об этом говорить.

Отец нахмурился, вспоминая.

— Помню, твоя мама как-то обмолвилась: в Англии, ещё до того, как они уехали, в их семье постоянно что-то случалось с молодыми девушками. Они пропадали, а потом их тела находили где-то неподалёку от бывшего поместья их семьи. Поместье, кажется, принадлежало каким-то дальним родственникам, богатым. Но сама семья Гилберт была бедной, они жили в деревне неподалёку. Так вот, девушки... их находили мёртвыми. Никто не знал, что с ними случилось. Поговаривали о несчастных случаях, о диких зверях... Но после нескольких таких смертей семья собралась и уехала в Америку. Решили начать всё заново.

У меня похолодела спина. Томас говорил про обряд, про красную луну, про то, что ему нужна девушка из рода Гилберт. Про то, что с предыдущими не вышло.

Неужели это он? Неужели Томас убивал их всех?

— А где именно они жили в Англии? — спросила я, затаив дыхание.

Отец пожал плечами.

— Не знаю, Алис. Твоя мама не говорила, а я не интересовался. Какая разница? Это было сто лет назад.

Для меня была разница.

— Спасибо, пап, — я встала, чувствуя, что ноги дрожат. — Правда, спасибо.

— Ты куда? — отец удивлённо посмотрел на меня.

— Да так... Пойду, прилягу. Голова ещё кружится.

— Может, лазаньи всё-таки? — он кивнул на коробку.

— Нет, не хочу.

— Алис, — окликнул он меня, когда я уже отошла. — Ты это... не переживай. Всё наладится. Я что-нибудь придумаю с деньгами.

Я кивнула, не оборачиваясь. Не до денег сейчас.

На полпути я остановилась, вспомнив про ноутбук.

— Пап, дай телефон, — попросила я, возвращаясь. — Мой куда-то запропастился, найти не могу. А ноутбук... — я замялась, но соврать пришлось, — я случайно локтем на него опёрлась, он со стола упал и теперь не включается.

Отец вздохнул, но спорить не стал. Порылся в кармане и протянул мне потрёпанный смартфон.

— Держи. Только недолго, мне самому скоро понадобится.

Я схватила телефон, как спасательный круг, и почти бегом направилась обратно в трейлер.

Усевшись на кровать, я трясущимися пальцами открыла браузер. Вбила в поиск:

"Исчезновения семьи Гилбертов в Англии."

Ничего. Пустая страница. Пара ссылок на какие-то форумы по генеалогии, где упоминались Гилберты, но без конкретики.

Я попробовала снова: "*Семейное проклятие Гилбертов."*

Снова пусто. Статьи про какие-то проклятия из фильмов ужасов, не имеющие отношения к реальности.

— Чёрт, чёрт, чёрт! — прошипела я, меняя запросы один за другим.

"Смерть семьи Гилбертов в Йоркшире."

Но Хоэрт в поиске выдавал только историю замка Ридов. Никаких упоминаний о Гилбертах. Словно их там никогда и не было.

Я откинулась на подушку, глядя в потолок. Телефон выскользнул из рук и упал рядом.

Ничего. Совсем ничего.

Значит, остаётся только одно: то, что я помню — правда. То, что я видела — реальность. И Томас... Томас жив. Или не жив? Или он...

Я зажмурилась, прогоняя мысли. Слишком много всего. Слишком сложно.

Мне нужно было подумать. Переварить. Понять, что делать дальше.

Я сжалась в комочек на кровати, обхватив колени руками, и уставилась в стену. За тонкой перегородкой трейлера шумел ветер, где-то лаяли собаки, а я лежала и пыталась собрать осколки реальности в единое целое.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.